

Нелли исправляет ошибки судьбы

Виталий Захаренко

Виталий Захаренко

Нелли исправляет ошибки судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70627318

SelfPub; 2024

Аннотация

Я – Нелли, плод неумной фантазии одного прибабахнутого товарища, который возомнил себя писателем. И пока он там долбит по клавиатуре, составляя слова вместе, я решила пообщаться с вами, дорогие почитатели меня! А вообще я – дух-покровитель, ну или защитник. А еще объяснитель и, чего греха таить, помощник. Я хочу во всеуслышание сказать: "Человеки, вы не расходный материал и не средство удовлетворения чьих-то прихотей! Вы права не имеете укладывать свою бесценную и неповторимую жизнь на алтарь чужих ожиданий! И не надо мне перед мордочкой махать всякими «я должна, я должен, так принято, всегда так было». Ни к чему хорошему это не привело. Сколько поломанных судеб вокруг тех человеков, которые вовремя не сказали «нет»! Которые поставили свою жизнь ниже, чем она есть! Дорогие человеки! Жду ваших вопросов, предложений, жалоб и пожеланий. Искренне ваша, прекрасна и неповторима, Нелли! Рррь..."

Содержание

Место, где невозможно врать	4
Нелли исправляет ошибки судьбы	23
Забота о нужном человеке	62
Не будите ведьму	74
Фальшивый до мозга костей	86
И мозги отрастить можно	98
Законом можно пренебречь	110
Наказана, но не сломлена	125
Пустой человек	136
Судьба ведет свою игру	148

Виталий Захаренко

Нелли исправляет ошибки судьбы

*Мужья врут женам, матери врут детям,
наниматели – работникам. А в ответ получают
свою порцию лжи. А самая большая ложь цветет и
пахнет в уверениях: «Я никогда не вру!»*

Место, где невозможно врать

По привычке Лиза налила в мисочку воду и поставила на специальный коврик. С грустью посмотрела на чистую пеленочку у двери.

Вздыхнула, попыталась улыбнуться. С каждым разом получалось все лучше. Все-таки старые шрамы лишили лицо живой мимики.

– Эх, Нелли, Нелли, – проговорила она, усаживаясь с пальцем на диван.

Как таковой собаки у Лизы не было. Была Нелли. Да и то изредка. Та, конечно, выглядела как собака, но ею была лишь отчасти.

Лет четырнадцать было Лизе, когда ее настигло несчастье. Ожег третьей степени лица и шеи. А дело было так.

– Лидка! – кричал отец из прихожей, – И Лизку тоже касается! Глава семейства домой пришел! Жрать давайте, бездельницы!

Папа был не то чтобы сильно пьян. Ноги еще кое-как держали, а вот руками размахивал, что твой постовой.

Лиза вышла к отцу и сказала:

– Мама в магазин пошла, сказала, скоро придет.

– Нет у меня желания ее ждать! Ты дочь моя, тоже баба! Должна уметь мужика накормить!

– Макароны сварить? – спросила Лиза.

– Большую кастрюлю! – выкрикнул папа, сражаясь с обувью.

Лиза и пошла на кухню. Когда папа такой, она с ним вообще дела иметь не хотела. Но лучше не злить, потому что он потом на маме отыгрываться будет.

Вода в кастрюле закипала, и тут на кухню вплыл, иного слово и не подберешь, отец семейства:

– Ну, сколько еще ждать?

– Сейчас макароны вкину, – Лиза склонилась к шкафчику, где хранились крупы и макароны.

А папа, почему-то решил воду перемешать. Черпак взял. Да так неудачно зацепил им кастрюлю, что вода хлынула бурлящим потоком прямо на Лизу.

Вспышка боли, а потом...

Лиза видела себя, лежащей в больничной палате, как будто из-под потолка.

«Что-то подобное было по телевизору недавно, – вспомнилось Лизе, – когда боль очень сильная, душа может выйти из тела, чтобы не страдать».

А воспоминания о боли, чуть ли, не дотла сжигали.

Почему-то картинка начала меняться. А может душа решила попутешествовать. Только увидела она больничное крыльцо, а там мама и папа.

– Не прощу! Слышишь, Колька! Никогда тебя не прощу! Уходи и нечего у больницы ошиваться!

– Лид, ну как там Лиза?!

– Проспись, опять шары залил? Пришел здоровьем дочки поинтересоваться! Из-за тебя, как дала бы тебе по лбу, чтоб приземлился на мягкое место и больше не встал.

– Да не пил я сегодня! Это со вчера осталось.

– Прочь пошел! Сейчас милицию вызову.

– Лид, я только оттудова. Лид, прости, случайно вышло. Даже не представляю, как Лизка кастрюлю, кипящую на себя опрокинула.

– Жаль, что тебя там не оставили! Лучше бы на тебя эта кастрюля вылилась... Ух, глаза бы мои тебя не видели!

После этого разговора Лиза больше никогда папу не видела, а вот мама приходила часто.

Лида не смогла простить мужу, что из-за его любви к бутылке пострадала дочка. Сколько бы Коля не валялся у нее в ногах, Лида и не думала смилостивиться. Развод! И не просто развод:

– Не дай бог, появишься на пороге, собственными руками глаза вырву! Ты и только ты виноват, что наша доченька заболела!

Да и как заболела! Врачи все твердили, что кардинально исправить ситуацию не получится.

– Нам бы хоть функции речи, слух и зрение сохранить, – твердил Натан Альбертович. – Для ее возраста вообще удивительно, что выжила. Вы себе представить не можете, какая это боль! Взрослые сдаются, а это девочка!

Этот разговор Лиза тоже наблюдала со стороны.

Да, боли было много, потому она и сбегала в «путешествие», чтобы не кричать все время. А врачи только радовались, что снотворное так хорошо работает.

Отпустили домой Лизу только через полгода, со множеством ограничений и списком медикаментов. Что-то на постоянной основе, а что-то и на экстренный случай.

В школу она уже не вернулась. Мать добилась окончания обучения, два года всего, на дистанционной основе. Да Лиза и не рвалась никуда.

Еще в больнице она начала вышивать крестиком. А дома

только этим и продолжила заниматься. Просто монотонное занятие, которое крало время, сколько бы его не было.

– Лизонька, может, на улицу выйдем? – спрашивала мама.

– Нет, мам, не хочу.

Может она и хотела, но стеснялась. А еще реакции людей боялась. А если быть до конца откровенным, то на улице она бывала ночами.

Да-да, как в больнице наловчилась выходить из тела, этим же продолжила заниматься и дальше.

В своем собственном будущем она уверена не была, а так хоть за жизнями других людей наблюдать.

– Стоять! – окрикнули Лизу во время одного из путешествий. – Туда нельзя! Там тьма!

– И что? – спросила Лиза.

– Ты новенькая, что ли? – повторил голос. – Судя по пируэтам – нет.

– А ты кто? – спросила Лиза.

– Я-то Нелли, – ответил голос, – а вот у тебя явно с мозгами недобор. Висит, понимаешь, черная туча, а она в нее на полном ходу!

– А что, нельзя? – спросила Лиза.

– Конечно, нет, – как само собой разумеющиеся ответила Нелли.

– А мне как-то все равно, – проговорила Лиза.

– А ей все равно, – с издевкой проговорил голос. – Вот

скажи мне на милость, чего тебе не хватает?

– Любви, – грустно ответила Лиза, – только кто меня такую полюбит?

– Так ты еще ребенок, – догадалась Нелли. – Тогда слушай внимательно. Сейчас заканчивай свои полеты во сне и на Яве, и иди на площадку. Там тебя собачка ждет. Маленькая, беленькая. Не перепутаешь.

– Это заколдованный принц? – спросила Лиза.

– Это клинический случай! – последовал выдох, который заменил порцию ругательств. – Это я буду. Ну, заколдованная, что ли. Короче. Взять в дом, кормить, поить, любить и баловать. А по ночам будем учиться мимо черных облаков летать, да и вообще тут много чего интересного. Это же тонкий мир! Шикарное место! Тут можно все найти!

– И любовь? – спросила Лиза. – Ну, такую, чтобы на шрамы не смотрели?

– Этим мы и займемся, – сказала Нелли, – но чуть позже. Клиент еще не готов. Да и тебе подрасти нужно!

Сначала Нелли жила с Лизой постоянно. Потом начала пропадать на день два. Говорила, дела. А потом сказала, когда находились в тонком мире:

– Я изредка буду появляться, но ты обо мне не забывай! Как раз принц твой подрос, так что, жди в самом ближайшем будущем!

Вот Лиза и ждала. Может не совсем принца, но полюбив-

шуюся подружку Нелли, у которой в тонком мире был просто отвратительных характер.

Уху сначала стало тепло, потом жарко. Потом стало мокро и добавилось болезненное причмокивание. А потом резкая боль вернула Матвея в сознание.

Лежал он на спине, руки вдоль туловища, кончики пальцев покалывали иголки.

Матвей открыл глаза. На его груди, укоризненно глядя ему в лицо, на тоненьких лапках стояла Нелли.

– Я опять переборщил? – спросил он у собачки.

Она фыркнула ему в лицо, но с места не сдвинулась. Во взгляде читался вопрос:

«Ты как? Нормально?»

– Все хорошо, – проговорил Матвей, не двигаясь. – Спасибо!

И только теперь Нелли позволила себе спрыгнуть с груди Матвея, позволяя ему встать.

Слишком громко сказано «встать». Тело слушалось плохо, мышцы будто одеревенели, а суставы гнулись с превеликим трудом.

Нелли наградила Матвея еще одним встревоженным взглядом.

– Нет-нет, – сказал он ей, – это сейчас пройдет.

А объективно оценив свое положение, Матвей понял, что если бы не вмешательство Нелли, не факт, что он смог бы

вернуться.

– Спасибо, моя хорошая! – нежно сказал он, садясь на кровати. – Сейчас будем завтракать.

Нелли скрутилась калачиком на его подушке, всем своим видом показывая, что она не торопится.

– И за это спасибо, – выдохнул Матвей, вставая и направляясь в ванную комнату.

Осознанные сновидения и астральными путешествиями для неопытного человека – занятия очень опасные. Без контроля и помощи можно так загуляться, что обратно в тело никогда уже не вернешься.

А Матвей, мало того, что был не опытным, так еще и самоучкой. А если совсем точно, то самоучкой вынужденным.

В один, не самый прекрасный момент, проснувшись утром, он осознал, что тело его полностью одеревенело и потеряло чувствительность. А вот возвращение к норме происходило настолько болезненно, что Матвей не постеснялся и даже немного повыл.

А вот память, в процессе завываний, подкинула какие-то картинки, которые чуть не парализовали его сознание.

Он видел себя со стороны. Свой дом с высоты птичьего полета. Носился по городу, бестелесной сущностью. Заглядывал в окна домов, как знакомых, так и незнакомых людей. А потом видел калейдоскоп красок, который даже отдаленно не мог классифицировать.

Если бы Матвей за свою жизнь не прочитал ни одной книжки и не включал телевизор, или родился лет восемьдесят назад, когда о подобном рассказывали только бабки в далеких глухих деревнях, он бы просто умер от шока. А так он, сравнительно здраво, определил случившееся, как нечто сверхъестественное.

Нет, можно было бы списать это на слишком реалистичный и красочный сон. Но состояние организма подсказывало, что сны такими не бывают.

Первой реакцией был страх.

Из книг и телепередач Матвей знал, что подобные происшествия могут привести к потере самого себя. То есть, сознание загуляет где-то и пиши пропало. Тело есть. Может даже ходить и говорить будет. Только это будет уже совсем не тот человек, а некое его подобие.

А вот второй реакцией, когда первые волны страха схлынули, было принятие справедливого возмездия. С некоторой отрешенностью Матвей принимал постигшее его сверхъестественное происшествие в качестве наказания. Или даже кары.

Чисто юридически, он был не виноват. Да и в обществе его никто не винил. А вот сам себя Матвей чувствовал виноватым. По этой же причине и в стационаре под присмотром психиатров пробыл более полугода.

А история была такая.

Работал он водителем на городском автобусе. Людей возил по маршруту. Работником он был прилежным, имел похвалу и грамоты от начальства. Доволен был жизнью сам и радовал родных и близких.

Но приключилась с ним авария. Пересекал он перекресток во время часа пик. Полный салон пассажиров. Солнышко припекает через грязноватые окошки. А тут прямо на перекрестке в бок автобуса на всех парах влетает груженный самосвал. У водителя тормоза отказали.

Автобус сминает, как консервную банку, протаскивает метров тридцать, а потом переворачивает на бок, и еще на боку протаскивает до самого дома. Мало того, что сам автобус влипает в здание, так еще и самосвалом его вминает дальше некуда.

Последствия даже представлять не хочется, а вот сам Матвей отделался парой переломов и сотрясением.

Тело вылечили, а вот душу...

Матвей где-то в глубине понимал, что он не виноват. И ему все поголовно твердили, что его вины в происшествии нет. Только он все равно винил себя. Во-первых, на нем, как на водителе, лежала ответственность за пассажиров. А во-вторых, бесконечные «если».

– Если бы я ехал чуть быстрее, если бы я ехал чуть медленнее, если бы я задержался на остановке, если бы заметил тот самосвал издалека.

Этим он убивал себя. Буквально рвал сознание в клочья.

Конечно, его определили в стационар, чтобы снять тяжесть приступов и хоть немного снизить болезненность самобичевания. Но возиться долго с ним не стали. Как только определили, что он не представляет опасности ни для себя, ни для общества, снабдили рекомендациями, препаратами и отправили домой.

Больничный выплатили, с работы уволили, а как дальше жить – не объяснили. И главное, за что.

Но с работой помог школьный приятель его отца. Был он управляющим огромного складского помещения, которое предоставляло площади для многих оптовых сеток города.

Антон Дмитриевич был в курсе происшедшего с Матвеем, поэтому предложил тому, чуть ли, не любую должность ниже своей.

– А можно мне такую работу, – опустил глаза, проговорил Матвей, – где я не буду с людьми контактировать? Ну, или по минимуму?

– Водителем автопогрузчика пойдешь? Надо будет из буферной зоны развозить грузы согласно предписанию по секторам. Только там зарплата не очень.

– Мне много не надо, – ответил Матвей.

Через пару месяцев произошел первый сверхъестественный инцидент. Отнесся к нему Матвей с полным фатализмом:

– Как будет, так будет.

А еще через неделю бестолковых полетов, в его жизни появилась Нелли.

Стоял он на остановке и ждал автобуса, чтобы там было поменьше народа. В стороне от остановки стоял. А тут к нему подходит малюсенькая собачка, но сразу видно, что не щенок. Садится у ног, а свою маленькую лапку ставит Матвею на кроссовок.

Он посмотрел на собачку, она ответила ему взглядом. Он наклонился, она не двинулась.

Матвей заозирался, может хозяин где-то неподалеку. Но ни в его сторону, ни в сторону собаки никто не смотрел.

Долго не разбираясь, подхватил собачку на руки, спрятал за отворот куртки и отправился с ней домой.

В еде собака оказалась не привередливая, сосиски ела с превеликим удовольствием, во время ванно-банных процедур стояла спокойно. И да, это оказалась девочка.

– Сбылась мечта, – проговорил Матвей, устраивая спальное место для собаки у себя в кровати на соседней подушке, – блондинка в моей постели! Осталось придумать тебе достойное имя.

Перебирал долго, но собака откликаться отказывалась.

– Тогда будем ложиться спать, завтра подумаем еще.

Ночью его опять потащило в неведомые дали, но в этот раз стало все несколько иначе.

Полетал по комнате, потом над домом, немного над районом, а потом он почувствовал, что ему кто-то залепил пощечину. Звонкую, смачную и донельзя болезненную.

– Уй! – вскрикнул Матвей, продолжая парить над городом.

Прямо перед ним появился образ собачки, которая по идее спала на соседней подушке, и, не открывая пасти, сказала:

– Меня зовут Нелли, а тебе пора возвращаться, – и указала лапкой в сторону дома, над которым они в этот момент проплывали.

Матвей проснулся внезапно и сразу же посмотрел на собачку. Та сидела на подушке и смотрела несколько снисходительно.

– Нелли, значит, – констатировал Матвей.

Нелли чуть высунула язык, потом отвернулась и улеглась.

Остаток ночи Матвей проспал совершенно спокойно. Даже на работу чуть не проспал.

Утром Матвей понял важное. Потеряться в астрале ему не дадут. Свидетельствовали в пользу этого две свежие царапинки на лице. Тут даже экспертизу проводить не надо, чтобы понять, чьих это лап дело. Да и Нелли не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд.

А, поскольку, утрата личности в астрале Матвею не грозила, а факт происходящего неоспорим, надо к этому делу

подходить с умом.

Матвей в свободное от работы время занялся изучением всего, что можно было нарыть в интернете. А Нелли присутствовала рядом, в пол глаза посматривая в монитор.

И вот удивительное дело, когда материал был, мягко говоря, недостоверным, она фыркала и демонстративно отворачивала голову.

Кстати, про саму Нелли Матвей тоже вычитал. Не конкретно, но из той же оперы. Ведьмы, обычно, обзаводятся фамильярами, духами помощниками. Это или коты, или вороны. А поскольку Матвей ведьмой не был, то ему досталась собака. А если правильнее, то дух в образе собаки.

Образование с практическими занятиями шли рука об руку под руководством Нелли. А та, кстати, во время астральных прогулок, превосходно владела речью. Матвей подозревал, что Нелли может и в реальной жизни не хуже разговаривать, но образ приличной собаки она отыгрывала на пять с плюсом.

– Нелли, это мы где? – спросил Матвей, вplывая в хоро- вод цветных пятен.

– Суть всего и вождеденное место всех просвещенных, – ответила Нелли.

– Понятней не стало, – проговорил Матвей.

– Потому что – неуч! – сказала Нелли с некоторым раздражением. – Нормальные человеки книжки читают, а ты все

картинки смотришь! Истину и мудрость по крупницам выискивать надо, а ты все в картинках ищешь, да еще, чтобы с подписью!

– Возвращаемся? – спросил Матвей.

– А смысл? – Нелли изобразила скепсис, насколько это позволяла мимика собачьей мордочки.

– Книжки почитать, – предположил Матвей.

– Считай, что я уже поверила, что вот ты так возьмешь, и будешь читать, – Нелли закатила глаза, – тоже мне, читатель.

И да, характер у Нелли в астрале был не сахар.

– Это тонкий мир. Специальное место, где находятся все души. А просветленные могут сюда попадать, чтобы пообщаться с любой душой. Ну, или такие, как ты, которых в реальной жизни почти ничего не держит.

А вот это была правда. Матвей действительно находился в таком состоянии из-за накатывающего чувства вины, что не ценил свою жизнь совершенно. А жил по принципу:

– Раз проснулся, будем делать, что надо.

И такое положение дел Нелли не устраивало.

Она сделала Матвею поистине царский подарок. Нелли нашла души всех тех, кто в аварии не выжил, и дала возможность пообщаться Матвею с ними. Никто его не винил, а когда он просил прощения, его охотно прощали.

И вот с этого момента он начал жить. Но с некоторой оговоркой. Он продолжал гулять по тонкому миру, а Нелли следила, чтобы Матвей там не задерживался, потому что связь

могла оборваться, а душа так и не вернуться в тело.

– Гулять пойдем на улицу или на пеленку? – спросил Матвей после умывания.

Иногда Нелли рвалась на улицу, а иногда была категорически против покидать квартиру. Поэтому Матвей организовал для Нелли отдельный туалет.

Сегодня Нелли никуда идти не пожелала, вяло махнула хвостом и продолжила нежиться на подушке.

А настроение у Матвея было просто замечательным. После получения прощения, он не оставил путешествий по астралу и тонкому миру. И познакомился там, если это можно так назвать, с одной очень интересной душой.

Если сделать шаг в сторону и посмотреть на это со стороны, то для произошедшего сложно подобрать правильные слова. Нет таких слов и терминов, чтобы описать знакомство и общение двух душ. Это как глухому от рождения человеку описать шелест ветра в опавшей листве, журчание лесного ручейка или симфонию Баха.

Информацию донести можно, но глубину, краски, восхищение останется где-то за рамками понимания.

Потому и Матвей определил для себя факт знакомства именно так. А на самом деле все выглядело иначе.

Душа – это не тело, слова, ужимки, маски, хитрости и ложь. Это искренние чувства, полная открытость и беспо-

щадная правда. Его душа приблизилась к другой душе, и между ними возник контакт. И полетели картинки, как кадры киноплёнки, в каждой из которых можно было задержаться и рассмотреть, как инсталляцию.

Матвей показал аварию, после которой его жизнь изменилась, показал первый снегопад, который вызвал шквал эмоций, показал руки матери, смех друзей, свою одинокую квартиру, автопогрузчик, девушку, которую любил в школе. Он отдавал все, что когда-то вызывало эмоции.

Отдавал все, но и получал немало.

Огромные банты на линейке в первом классе, букет ромашек от поклонника, темная кладовка, где пряталась от злого отца, слезы матери, больничная палата, которая плохо видна из-за слоя марли на лице, страх на лицах прохожих, вышитые крестиком картины, грусть, отчаяние и тоненький лучик надежды.

– Нелли, а можно в реальном мире найти человека, с которым познакомился там? – спросил Матвей.

Нелли приоткрыла пасть, но сразу же ее захлопнула. Чуть не спалилась. Но очень внимательно посмотрела на Матвея. Это был далеко не собачий взгляд. Но настолько выразительный, что слова к нему не требовались.

– Вот чувствую, что это мой человек, – сказал Матвей.

Нелли одарила Матвея другим взглядом. Это было что-то среднее между презрением, недоверием и издевкой.

– Я серьезно говорю, – настаивал Матвей. – Вот ты сейчас мне можешь сказать, что обладательнице этой души лет пятьдесят, что у нее муж и семеро детей. А еще, что живет она где-нибудь на Занзибаре. И про больницу я помню. Знаешь, мне кажется, что это все не так уж важно. Кроме, Занзибара, конечно, – Матвей улыбнулся.

Нелли задумчиво почесала за ухом, а потом направилась к двери.

– Что, так просто? – удивился Матвей. – Встали и пошли? Собачка остановилась, повернула голову, как бы говоря: «Если человек твой, чего время терять? Пошли!»

Матвей открыл дверь квартиры, через которую вальяжно вышла Нелли. Только она пошла не вниз по ступенькам, а вверх. Матвей пошел следом. Нелли поднялась на два этажа и остановилась под дверью одной из квартир.

К своему стыду, Матвей не знал соседей и не общался. Соответственно не знал, кто живет за этой дверью.

– Ты уверена? – спросил он у Нелли.

Та рухнула на попу, будто у нее лапы отказали.

– Понял-понял, – протараторил Матвей и нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла молодая девушка со следами старого ожога на лице:

– Здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуйте, – проговорил Матвей, – я тут по такому вопросу, – и замолчал.

А как объяснить, по какому вопросу он пришел? То, что он собирался сказать, тянуло на веселый диагноз. Потому стоял и придумывал слова.

– Нелли, это он? – спросила девушка, присаживаясь на корточки перед собачкой.

Собачка слегка кивнула.

Девушка выпрямилась и подняла глаза на Матвея:

– Так вот ты какой, водитель погрузчика!

– А вы, случайно, картины крестиком не вышиваете?

– Вышиваю, – сказала она с улыбкой.

В этот момент Нелли вскочила и стремглав бросилась вниз по лестнице.

– Нелли, поздравляем вас с выполненным заданием! Получите формуляр на нового клиента!

– А можно в этот раз не такого тупого?

Нелли исправляет ошибки судьбы

– Володя! Где твоя совесть! – Коля стоял в полной растерянности. – Мы же к Ане собирались ехать!

– Я не в том состоянии, – еле открывая рот, выдавил из себя Володя.

– Да вижу, в каком ты состоянии, – Коля покачал головой, – ни стыда, ни совести, ни здравого размышления.

Володя оторвал голову от стола, на котором лежал, нашел мутным взглядом говорившего Колю, сделал вдох и начал кричать:

– Да я виноват! Ну, так убейте меня! Посадите в тюрьму! Отдайте людям на растерзание! Что я сейчас могу уже сделать?

Коля подошел к столу и врезал по столешнице кулаком. Надо бы по этой пьяной морде.

– Что ты можешь сделать? – Коля тоже перешел на крик. – Да хотя бы не заливаться каждый день! Виноват ты или не виноват, это следствие будет устанавливать, а от тебя сейчас требуется беседовать с врачами и думать, чем ты можешь помочь жене и сыну!

– Чем я могу помочь, – Володя начал плакать, – меня же к ним даже не пускают.

– Ну, ты тугой, – Коля навис над приятелем. – Они в ре-

анимации и без сознания. Что ты рядом с ними собираешься делать? Выть? С этим ты и дома неплохо справляешься! К врачу ехать надо. Может купить что-то нужно? Лекарства какие-нибудь. А ты тут...

Коля не договорил, потому что Володя свалился на пол.

– Вставай сам, – брезгливо сказал Коля, – я тебя поднимать не буду.

– Оставьте меня тут, – ныл Володя, барахтаясь на полу в куче мусора, – я не хочу так жить!

– Да, бес с тобой! – Коля в сердцах сплюнул на пол.

Единственное, что он сделал перед уходом – он открыл большое окно в комнате и снял раму с петель.

«Хорошо, что рама деревянная, а не пластиковая, – подумал он, ставя раму у стены, – пластик так легко не снимешь».

А по поводу хозяина квартиры он рассудил так:

– На улице не настолько холодно, чтобы Володя замерз, но достаточно, чтобы протрезвел. А если и замерзнет, то и бог с ним!

В больницу Коля поехал сам, без близкого родственника. Рассудил, что врачи тоже люди, войдут в положение, расскажут, что и как.

– Анна, скорее всего, выкарабкается, – говорил врач с грустными глазами, – хотя положение тяжелое, а мальчик – вряд ли. Мы, конечно, будем бороться. Но сами должны понять, такая страшная авария, а ему всего-то два года.

– Доктор, а что мы с нашей стороны можем сделать? – спросил Коля, опуская в карман врача заготовленный конверт.

– Мы делаем все возможное, – ответил врач, как бы, не заметив, действие посетителя, – только время покажет, как оно будет.

– Тогда, – Коля достал визитку, – если что-то будет нужно, звоните мне. Муж Анны в несколько неадекватном состоянии. Он же только парой синяков отделался. Винит себя.

– Все под богом ходим, – проговорил врач и скрылся в ординаторской.

– Вова, не надо! – с этим криком Анна пришла в сознание после двух недель забытья.

Произошло это ночью, поэтому сразу вызвали дежурную бригаду. А та, ничего лучшего не придумала, как отправить ее в сон до утра, когда можно будет собрать консилиум.

– Сейчас возьмите все анализы и в лабораторию с пометкой сверхсрочно, – дежурный врач давал указания медсестре, когда Анна уснула, – чтобы утром можно было разговаривать предметно. Еще психологов вызовите. Сын у нее не выжил. Надо будет сообщить. И родственникам дозвонитесь, чтобы к обеду приехали.

– В деле нет телефонов родственников, – сказала медсестра, – только друг семьи Николай.

– Значит, его вызовите, – врач почесал подбородок, – па-

циентка при памяти, так что вызовите и полицию. Пусть они уточнят причины аварии.

Надежды Коли не оправдались. Володя не замерз к чертовой матери, но и в себя до конца не пришел. Находился в пограничном состоянии между явью и небытием. То есть, проблески здравых рассуждений сменялись ступором.

А в больницу он так и не поехал.

Пока за жизнь его сына боролись врачи, его шатало меж двух миров. Да и сам он заливался, пока у него не закончились деньги. А когда ему Коля сообщил, что Сашки не стало, Володя чуть в петлю не полез. Причем сразу, как только узнал.

Коля его стукнул пару раз для порядка, а потом, связав, для пушей уверенности спросил:

– Что это за сюрпризы ты отмачиваешь? У тебя жена в реанимации, сын умер, а ты как сямка дворовая, решил Аню еще и без мужа оставить?

– Все равно меня посадят! – кричал Володя. – Я виноват в аварии! Что так, что эдак, все равно меня с ней не будет. А так я хоть с сыном уйду!

– Ты бы тут дурака не валял, а хотя бы поинтересовался, на каком свете живешь! Никто против тебя обвинения выдвигать не будет, – кричал в ответ Коля. – Я со следователем говорил, по результатам экспертизы виноват дефект дорожного покрытия!

– Кто виноват? – не понял Володя.

– Яма была на дороге, – снизив тон, продолжил Коля, – ты при перестроении в нее колесом попал, вот машина в «бочку» и вошла.

– Так я не виноват? – глупо моргал ресницами Володя. – Меня не посадят?

– Дураков не сажают, – буркнул Коля, распуская узлы.

По поводу причины аварии Анна полиции ничего не сказала, хотя могла.

« – Вова, не надо! – просила она с заднего сиденья, удерживая Сашу от падения.

– Нет, ты посмотри, какую я машину купил! Так мягонько дорога под колеса ложится! И шины новенькие, и амортизаторы! Как по стеклу, честное слово!

Они ехали практически по пустой трассе, а Володя, красуясь, перестраивался из ряда в ряд.

– Да на ней можно трюки крутить! Хочешь, сделаю управляемый занос?

– Не хочу, – ответила Анна, – и не мог бы ты ехать чуть медленнее?

– Я могу еще быстрее! – рассмеялся Володя.

– Вова, я прошу тебя, не надо!

– Смотри, как я тот грузовичок сейчас обгоню! Как стоящий!

– Вова, не надо! – закричала Анна.

А потом машина на повороте, как о стену ударилась и полетела кувырком...»

– Плохо, что у нас не принято пристегиваться на задних сиденьях, – покачал головой полицейский, – ни закона такого нет, ни привычки. Простите, гражданка, что побеспокоили, – полицейский козырнул. – Выздоровливайте!

– Анна, что ж вы все в окно смотрите? – всплеснула руками Галя. – Так и с ума сойти недолго! Книжку бы взяли почитать. Или, вон, телевизор бы посмотрели! Такой хороший телевизор вам благотворители подарили!

– Не хочу, – сухо ответила Анна.

– А покушать вам, что сделать? Макарошки или картошечку?

– Без разницы, – произнесла Анна.

– Нет, если вы другого чего хотите, так скажите, я приготовлю!

Анна отъехала от окна в своем инвалидном кресле, сложила руки на коленях:

– Галя, скажите честно, зачем вам все это надо? Что вы передо мной выслуживаетесь? Если надо характеристику подписать, я и так подпишу. А в акте выполненных работ вообще можете писать все, что угодно.

– Анна, вы простите, если обидела чем, – Галя сглотнула комочек, – но это моя работа. И я делаю ее хорошо. А делать плохо, мне совесть не позволяет! Вот!

Анна грустно улыбнулась:

– Хорошая вы, Галя, но не надо для меня так стараться. Я, если можно так сказать, доживаю. Это не жизнь, – Анна опустила руки на колеса, – это колодки, от которых уже не избавиться.

– А не скажите, – ответила Галя с наивной улыбкой на губах, – вы пока обвыкнетесь, да приноровитесь, а потом хоть в олимпийскую сборную!

– Точно, – Анна улыбнулась наивности Гали, – только в сборной меня и не хватает.

– А еще есть бальные танцы на колясках, – поддерживая разговор, сказала Галя, – я видела, очень красиво!

– Может там еще и партнеров выдают? – спросила Анна.

– Наверное, – Галя пожала плечами и приступила к уборке, а Анна вернулась к окну.

Про партнеров она не просто так заговорила. Одна ведь она осталась. Володя ее из больницы забрал. Первое время даже ухаживать пытался. Но не потянул.

Анна думала, что не потянул, а знакомые иначе решили:

– Сбежал, как есть сбежал! – говорили они.

Хотя, так и было. Сказал, что сходит в магазин за молоком, но так и не вернулся. А разводились уже дистанционно.

Если с Володей можно было попробовать жить дальше, то после его ухода жизнь пришлось менять полностью.

В первую очередь – квартира. Старую, на четвертом эта-

же, пришлось менять на другую, но на первом. Лифты для инвалидов даже не во всех новых домах бывают. Плюс пандус, плюс стоки в ванной.

Но Анне повезло хотя бы в том, что ее просто перевезли из одной квартиры в другую. Да и о каком тут можно говорить о везении? С месяц после переезда ее еще худо-бедно навещали знакомые, а потом благополучно забыли.

Да Анне и не хотелось никого видеть. Вообще ничего не хотелось. Просто ждала, когда наконец-то закончится этот театр абсурда под названием жизнь.

И единственная, кто вносил дисбаланс в ее беспросветное существование, была Галя. Она и болтала без умолку, так еще и Анну провоцировала на ответы.

– Ох, ты ж, господи! Что ж делать-то? – вскрикнув, запричитала Галя.

Анна подумала, что Галя опять ее провоцирует, но решила все-таки спросить:

– И что там случилось?

– Я дверь открыла, мусор выставить на площадку, а оттуда животина какая-то прямо в квартиру забежала!

– Какая животина? – с глубоким вздохом спросила Анна.

– А я и не рассмотрела, – Галя вошла в комнату к Анне, – то ли кошка, то ли собака. Мелкая такая! Как молния! Шмыг! И вот не вижу даже, где затаилась!

Галя Начала заглядывать по укромным местам, вооружив-

шись веником.

– Галя, оставьте «животину» в покое, – попросила Анна, – как забежала, так и выбежит. Откройте только форточку на кухне. Если кот, сам уйдет, а если собака, тогда вас в следующий раз дождется. Ну, или я сама выпущу.

– Так нагадит же, – растерялась Галя, – антисанитария!

– Тогда еще в ванной оставьте дверь приоткрытой, – сказала Анна, – и еще воды в какую-нибудь мисочку налейте.

После ухода Гали, Анна вернулась к созерцанию вида из окна. Она не рассматривала там что-то конкретное, и не наблюдала за чем-то определенным. Просто смотрела, не концентрируясь ни на чем.

Люди знающие скажут:

– Это же медитация!

Но Анна была не в курсе этих тонкостей. Просто прожигала оставшееся время.

– Ну и чего ты расселась? – в высшей степени бестактный вопрос вырвал Анну из полудремы.

– Чего? – спросила Анна, открыв глаза.

Перед ней на небольшом пуфике сидела, откровенно, малюсенькая собачка и с выражением крайней озабоченности смотрела на Анну.

– Ты что-то сказала? – поинтересовалась Анна.

Собачка завела глаза к потолку, притопнула передней лапкой, а потом спрыгнула на пол и куда-то сбежала.

– Все нормально, – проговорила Анна, – экспресс на дурдом отправляется с первой платформы. Я уже с собаками разговариваю!

Она вырулила на середину комнаты и позвала:

– Собачка! Где ты там? Пошли еще поговорим!

Из-за угла кухни высунулся кончик носа, дернулся пару раз, принюхиваясь, и исчез из поля зрения.

– Я за тобой бегать не собираюсь, – проговорила Анна, и снова повернулась к окну.

– Слышь, ты, на колесной тяге! Не вздумай просыпаться! Отвечать мне нужно мысленно!

– Ты кто? – мысленно спросила Анна.

– Знакомиться, значит, будем? Ладно, – согласился голос, – я – Нелли. Во сне я выгляжу, как хочу, а в реальности, как маленькая, беленькая и обворожительно-прекрасная собачка!

– Это ты ко мне в квартиру забежала? – спросила Анна.

– Нет, птеродактиль мутант! – съязвил голос. – Конечно, это была я!

– Очень приятно познакомиться, – выдала Анна стандартную форму знакомства.

– А мне неприятно, – голос сформировался в такую же собачку, которую Анна видела на пуфике, – ты вообще в курсе, что собачек принято кормить? За воду, конечно, спасибо, а еще за возможность сходить в туалет. Но как бы и покушать

было бы неплохо!

– А ты по делу пришла или просто так?

– Просто так я даже чихать не буду. Дело у меня есть. Хотя – нет. Это у тебя есть дело, только ты пока о нем не знаешь. Но это потом. Сначала ты меня кормишь! Потом мы с тобой будем развлекаться, а вот уже потом дело!

– Я ничего не поняла, – проговорила Анна.

– И почему я не удивлена? – ответила Нелли. – Все, можешь просыпаться, я изголодалась до кончика хвоста!

Накормить Нелли – оказалось самым простым из того, что было потом. Нелли с удовольствием уплетала и паровые котлеты, что готовила Галя, и магазинные сосиски, состав которых оставался на совести производителей. А вот объемы?

– Нелли, а тебе плохо не будет? – спросила Анна, скармливая собачке пятую сосиску.

Удивленный взгляд был ответом. Вне сна Нелли не разговаривала. А еще во взгляде читалось:

– Тебе что, жалко?

До Анны с трудом доходил тот факт, что Нелли не просто собака, а нечто большее. Но сознание бастовало.

– И как это в такую крохотную собачку, – рассуждала Анна, – которая больше двух килограммов не весит, уместилось семьсот граммов сосисок?

Есть подозрение, что уместилось бы и больше, просто у Анны в холодильнике сосиски закончились.

Первой сложностью было объяснение с Галей. Та с трудом приняла, что собачку ловить и выгонять не нужно. Но сошлись, что в качестве оправдания для вышестоящего проверяющего наличие домашнего животного благоприятно скажется на психологическом состоянии инвалида.

Формулировку Нелли подсказала.

А второй сложностью стало обучение Анны погружаться в измененное состояние сознания по потребности, в котором она могла общаться с Нелли и готовиться к развлечениям. Что за развлечения, Нелли не говорила, только загадочно закатывала глаза.

– Вдох на три счета, выдох на три счета и повторить, – учила Нелли.

– Я сбиваюсь, – говорила Анна, – мысли всякие лезут.

– Ты или считать не умеешь, или я даже не знаю, – Нелли вытирала воображаемый пот со лба, – ты ж как раз и считаешь, чтобы мысли не помещались! Просыпайся и начинай заново.

Уже пару недель Анна общалась с Нелли только во сне. И только сейчас у нее начало получаться проваливаться в полубессознательное состояние, которого добивалась Нелли. Пять минут размеренного дыхания, и Нелли встречала Анну язвительным:

– Ну, наконец-то!

А дальше – больше.

– Чего расселась? Вставай! – потребовала Нелли.

– Я не могу, я же инвалид, – ответила Анна.

– Это там ты инвалид, а тут ленивая эта, на которой сидят!

Тут тебе ничего не мешает встать, ходить и даже летать!

– Где это тут? – не поняла Анна.

– Ну, если исключить, что у тебя галлюцинации, и ты окончательно не двинулась по фазе, то уже больше двух недель ты заходишь в тонкий мир. Реальность над реальностью.

– Куда я захожу? – удивилась Анна.

– Это про тебя шутили, что ты прочитала в жизни три книжки: Букварь, вторую и синюю?

– Я как-то не очень любила читать, – проговорила Анна.

– Оно и видно, – Нелли была беспощадна, но снизошла до некоторых объяснений. – Теорию мироздания я тебе рассказывать не буду, все равно не поймешь. Но, что касается непосредственно тебя, скажу так: ты инвалид в материальном мире, а есть еще мир энергий. Ты сейчас в мире энергий, но с видом мира материального.

– То есть, на самом деле все выглядит не так? – спросила Анна.

– Хвала сахарной косточке! До нее хоть что-то доходить стало! – Нелли воздела передние лапки вверх.

– У меня не получается, – проговорила Анна после нескольких попыток, когда упиралась руками в подлокотники.

– Так ты не руками вставай или ногами, – рывкала Нелли, – ты головой вставай! Представь себя облачком и воспарь!

– Да, не понимаю я! – Анна чуть не расплакалась.

– А откуда электричество в розетке понимаешь? – спросила Нелли, выходя из себя.

– Нет.

– Но ты же им пользуешься!

– Да.

– Тут, то же самое! Ты ничего не знаешь, но ты веришь, если нажмешь выключатель, лампочка загорится!

– Мне нужно поверить, что я могу встать с кресла? – ошарашено спросила Анна.

– Нет, блин! Поверь в меня! Святую Нелли! – Нелли перешла в нижний регистр и продолжила говорить утробным голосом: – Встань и иди!

Анна перепугалась перемены голоса, что сама не заметила, как вскочила с кресла и отбежала в сторону.

– Знала бы раньше, – устало проговорила Нелли нормальным голосом, – давно бы тебя на испуг взяла.

Когда Анна более-менее освоилась в тонком мире, Нелли устроила ей встречу с сыном.

После нее Анна пролежала пластом с неделю, потому что старая боль вцепилась бульдожьей хваткой. Но были и, если можно так выразиться, положительные моменты.

Сашенька, маленький сыночек не помнил ни самой аварии, ни боли, которая была после этого. А душа его оставила тело еще там в машине.

– Без кармической боли его душа ушла, – объясняла и успокаивала Анну Нелли.

Анна просила еще о встречах.

– Так все уже, – Нелли развела лапки в стороны, как человек, – ушла душа на круг. Но ты не волнуйся, там ему будет очень хорошо. Главные знают толк в компенсации.

Нелли не объясняла, кто такие «главные», а Анна поняла, что начальство.

– Во-во, – подтвердила Нелли, – «Великое страшное начальство!»

А потом пришла пора развлечений!

– То, что твой сбежавший благоверный виноват во всем, ты спорить, надеюсь, не будешь? – спросила как-то Нелли.

– Наверное, не буду, – Анна еще не до конца вышла из ступора после свидания с сыном.

– А то, что он ушел без наказания, тоже понимаешь?

– Понимаю, наверное.

– И ты считаешь, что это нормально? – Нелли явно намекала на изошренную месть.

– Но ведь уже ничего не исправить, – растерянно проговорила Анна.

– А собственное удовлетворение у нас уже ничего не зна-

чит?

– Так его твое начальство покарает, – ответила Анна.

– На начальство надейся, а зубы держи острыми! – и Нелли продемонстрировала хищную улыбку.

Неизвестно, где находился Володя, но каждую ночь ему начал сниться один и тот же сон:

«Трасса, машина делает кульбит за кульбитом. Сам он выбирается из машины после остановки. А потом на него идет переломанное тельце сына с протянутыми ручками и кричит:

– Папочка, за что? Папочка, помоги! Папочка, мне больно!»

Анна сначала ужаснулась этой картине, но потом согласилась, что он это заслужил.

– А долго это ему будет сниться? – спросила Анна.

– А вечность – это сколько? – загадочно спросила Нелли, клацнув острыми зубками.

Развлечением это назвать было сложно, но Анне стало значительно легче.

– А вот теперь приступаем к делу! – строго сказала Нелли. – У тебя имеется неизрасходованный материнский ресурс. А у меня есть один гражданин, которому этот ресурс необходим.

– Его можно передать? – спросила Анна.

– Ага, только вместе с носителем, – кивнула Нелли.

– Я в кресле, какая из меня мать? – возмутилась Анна.

– Помнишь, тебе Галя про танцы на колясках говорила? Так вот, коляска – не приговор. Сноровка, работа, упорство. И у тебя в кармане огромный плюс: везде носишься, а ноги не болят!

– И что мне, на танцы записаться? – не поняла Анна.

– Ага, на БАМ запишись! А еще кандидатом в полет на Марс! – Нелли постукала лапкой по голове Анны. – Тренируйся, качай мышцы, учись обслуживать себя сама. Придумывай приспособления для всех на свете дел. Я пока товарищем заниматься буду, так что время у тебя есть. Работай, страус колесный, работай!

Нелли исчезла, как и появилась. Внезапно и совершенно незаметно. Но Анне скучать и грустить было некогда.

– Игорь, ты сам видишь в каком он сейчас состоянии, – Марина кивнула в сторону соседней комнаты, – его нельзя оставлять одного.

– Это, конечно, здорово, но ты тут уже просидела три дня, – канючил Игорь, – сколько еще планируешь сидеть – не понятно, а там я и дети!

– Ты по мне соскучился, так вот она я, любуйся, – Марина демонстративно развела руки в стороны, – или ты с собственными детьми справиться не можешь?

– Нет, я справляюсь, – Игорь отвел взгляд, – только детям мать нужна.

– Если ты хочешь знать, отец им тоже нужен, – Марина начала заводиться, – только до этого момента они его видели или спящим, или возле телевизора. Был бы ты хоть на десять процентов таким внимательным, как Гриша, я бы слова не сказала.

– Так я же работаю, семью обеспечиваю, – проговорил под нос обиженный Игорь, – и ты мне четверых родила, и сама жива, и дети здоровы.

Звонкая пощечина отразилась эхом от стен.

– У Леночки здоровье было слабое, – процедила сквозь зубы Марина, – и ребенком она была поздним. Она младше меня на двенадцать лет была, а меня мать в ее двадцать шесть родила.

– Ладно, – сказал Игорь, потирая горящую щеку.

– Нет, не ладно! Ты на своем заводе гайки крутишь и не видел, как Гриша за Леночкой нежно ухаживал! И сапожки застегнет, и пальто на плечи накинёт, и завтрак в постель, и дверь откроет, и ручку подаст. А ты?

– А я деньги зарабатываю, мне миндальничать некогда, – проворчал Игорь.

– Какие слова, оказывается, знаешь, в кроссворде, небось, вычитал! Так вот, покажи какой ты отец! Возьми на себя детей и дом, пока тут все хоть как-нибудь не разрешится.

– А он тебя не?... – неопределенно спросил Игорь, подразумевая возможное насилие.

– Меня точно – «не», а вот себя – может, – грустно отве-

тила Марина, – сам же его видел. Восковая кукла.

– Ну, тогда я поеду, а ты звони, если там помощь какая понадобится, ну и вообще.

Утро четыре дня назад началось с паники. У Лены заболел живот, постоянно кружилась голова и ее тошнило. Гриша не стал разбираться, нужно так или нет, и сразу вызвал скорую.

До планируемой даты родов оставалось еще шесть недель, поэтому ни экстренного чемоданчика, ни хоть минимальной готовности не было.

Паника и страх.

В больнице Гриша может и имел шанс успокоиться, но на лицах врачей и медсестер он видел те же чувства.

– Рожать будем, – проговорил врач, пробегая мимо Гриши.

– Как? Рано же еще? – паника набирала обороты.

– Сидите тут, – врач не стал отвечать конкретно, – к вам потом выйдут.

К вечеру Гриша извелся в фойе так, что собирался идти к персоналу за информацией. Нет, он обращался и раньше, но его просто, раз за разом просили подождать.

– Григорий, – подошла молоденькая медсестра, – вас там заведующий отделения зовет.

Уже тогда Грише стало нехорошо. А новости он слушал в предобморочном состоянии.

Дочка родилась недоношенной, положили в бокс под

круглосуточное наблюдение. Для своего срока развита была нормально. Два, максимум три месяца в боксе и сможете ее забрать домой. А роды раньше времени вызваны открывшейся патологией в организме матери. Ее спасти не удалось.

Грише называли диагнозы, перечисляли результаты анализов, даже пытались объяснить, какие действия были предприняты. Но Гриша ничегошеньки не понимал. Даже если бы в медицине разбирался, все равно бы ничего не понял.

Голоса врачей не пробивались сквозь пелену горя, которое на него свалилось.

Гриша впал в ступор. Его отвели в ординаторскую, усадили на диван и посадили недалеко интерна помассивней, на случай, если Гриша начнет буянить. А молоденькая медсестра, что приглашала Гришу к заведующему, вынула у него из кармана телефон и нашла контакт: «сестра жены».

Марина приехала с Игорем, и вдвоем они смогли Гришу увезти домой.

Приехав домой, Гриша начал плакать. Да, женщины не любят, когда мужчины проявляют слабость, но Марина его прекрасно понимала. Да и сама ревела с ним на пару. Но ее как-то отпустило, смогла сдерживаться, с трудом, через боль. А Гриша переставал только на какое-то время и то, только потому, что впадал в некое подобие забытья.

Первые три дня Гриша не ел совсем. А поила его Марина насильно. Она засовывала трубочку ему между губ и крича-

ла: «Пей!» Тогда он пил. А без окрика даже не реагировал ни на что.

На четвертый день с окриками, она накормила его яблочным пюре.

Поминок не было. На кладбище его не пустили. А тело Лены увезли для захоронения прямо из больничного морга.

Марина очень боялась, что Гриша сорвется. Слишком сильно он ее любил. Он растворялся в ней. Всего себя отдавал любимой жене.

Что бы там не говорили про «белую» и «черную» зависть, мол, одна – хорошо, вторая – плохо. Но зависть она зависть и есть, в какой цвет ее не раскрашивай. А Марина сестре завидовала.

Ее Игорь таким не был.

Когда Марина была первым беременна, Игорь еще как-то отвечал на ее капризы. Правда, больше из-под палки, да с сопровождением крепким словом.

А Гриша, как только узнал, что Лена беременна, ни разу ей «нет» не сказал. Даже когда Лена предложила вести видеодневник. Гриша приволок профессиональную камеру, несколько софитов. И они вместе каждый вечер записывали ролик.

Для кого, для чего?

А содержание – вообще смех!

Сколько мамочка набрала граммов, что кушала, чем занималась, что чувствовала, что ощущала. Какой фильм по-

смотрела, какую книжку читала, какая погода за окном.

Гриша снимал, монтировал и сохранял на дисках, на флешках, отдельно в компьютере и еще в хранилищах в интернете.

Каждый раз, проходя мимо стойки с дисками, Марина всхлипывала.

«Чувствовала Леночка, наверное, – думала Марина, – что не суждено ей с доченькой быть. Вот и оставила такие вот милые сообщения. Свое лицо, свой голос, свое счастье в ожидании доченьки».

А родилась именно доченька. Когда узи показало, что будет девочка, с выбором имени даже вопрос не встал. Назвать решили в честь Лениной и Мариной мамы.

– Ох, Катенька, – вздыхала Марина, – как же теперь быть?

А вопрос простым не был. Через пару месяцев Катеньку выпишут из роддома, и нужно будет, чтобы кто-то занимался ее воспитанием.

Гриша пока адекватностью не отличался, а к себе ее Марина брать не хотела бы. У нее и своих четверо. Но, если альтернативой станет детский дом, то, конечно же, возьмет. Правда, оставалась надежда, что Гриша сможет взять себя в руки.

Прошедшие две недели с момента трагедии, ощутимого прогресса не дали. Гриша по-прежнему прибывал в погра-

ничном состоянии. Марина его поила, кормила, заставляла ложиться спать и подниматься. Но это больше походило на управление глупым роботом, если не считать тех моментов, когда Гришу накрывала истерика.

Игорь, во время одного из визитов, предложил:

– Марина, а может его специалистам доверить? Видно же, что у мужика чердак потек! Таблеток ему вкусных дадут, умные люди ему мозги на место поставят.

– Умница, – ответила Марина с сарказмом, – а потом ему ребенка ни одна служба опеки не доверит. А в детский дом я племянницу не отдам. Вывод?

– Какой вывод? – не понял Игорь.

– Тот самый вывод – значит, мы ее заберем к себе!

– А куда к нам? У нас и так все друг у друга по головам ходят!

– Поэтому я тут и сижу, – сказала Марина. – Авось достучусь.

– А-а, тогда ладно, – Игорь попытался улыбнуться, но понял, насколько это неуместно.

– Гриша! Гриша! – Марина сидела напротив мужчины, который раскачивался в такт собственному сердцебиению, и кричала ему прямо в лицо. – Гриша!

– Что? – ответил он, среагировав на свое имя.

– В магазин надо сходить! – продолжала кричать Марина, чтобы не упустить тоненькую ниточку внимания. – Пампер-

сы для дочки купить, питание детское, присыпки, салфетки!

– Для дочки? – спросил он.

– У тебя дочка родилась! Катенька! Ее из роддома скоро надо будет забирать! Надо все подготовить!

– Леночка, – прошептал Гриша.

Марина не удержалась и отвесила звонкую оплеуху.

– Дочь! Катя! Магазин! Ты – отец!

Болезненный удар и короткие слова доходили до сознания лучше, чем увещевания и протяжный крик.

– Да. Я должен. Что нужно купить?

– Слава тебе, Господи, – проговорила Марина, – знала бы, раньше бы бить начала. До вас, мужиков, так, наверное, и доходит.

Она вручила ему список, банковскую карту и сказала, что магазин напротив подъезда. Это был не лучший вариант торговой точки. Дорого и выбор скудный. Но посылать его куда-то дальше – слишком рискованно. А так, она в окошко проследит.

– Сумку возьми побольше, – сказала Марина, – там много надо купить.

Гриша взял самую большую сумку, которая оказалась в доме. Их еще коммерсантскими называют.

С сумкой в одной руке и со списком в другой Гриша пошел в магазин. Марина даже удивилась немного. Со стороны походил на нормального.

Когда Гриша скрылся за дверями магазина, она позвонила

своим детям домой.

– Мамочка, а ты скоро вернешься? – спросила Валерия. На правах старшей, она взяла трубку.

– А что-то случилось, доченька? Папа не справляется с вами?

– Ну, пельмени мы уже ненавидим, яичница – это отрава. Макароны под разными соусами мы еще едим, но нас надолго не хватит. А еще мы все чешемся!

– Господи, а чешетесь чего?

– Папа кладет в машинку слишком много порошка, а лишний раз полоскание поставить отказывается. Говорит, что и так нормально стирает.

– Наш папа в своем репертуаре, – проговорила Марина, – Лерочка, вы там продержитесь немножко, я постараюсь заскочить сегодня ненадолго, и надеюсь, что скоро совсем вернусь.

– Мама, мы тебя очень любим! Папу мы тоже любим, но уже не так.

Марина только улыбнулась в ответ, но разговор пришлось прервать, потому что в дверях магазина появился Гриша. Сумку ему нагрузили основательно, но видно было, что места в ней еще хватает.

До квартиры он не дошел, присел на лавочку у подъезда. Сумку поставил сбоку, а сам будто замер. Марина пошла на встречу.

– Гриша, ты как? – спросила она нормальным голосом, не

будет же на улице кричать.

– Тяжело, Марина, – ответил он, – очень тяжело.

– Я понимаю, Гришенька, но жить-то как-то надо, – она присела рядом.

– Надо, – согласился он, – непонятно пока как, но надо.

– Гриша, пошли в квартиру, – предложила Марина.

– А можно я тут немного посижу? Подышать воздухом что-то захотелось, – он повернул к ней голову, – я потом сам дойду. Сумку надо будет разобрать, по местам все разложить. Но я посижу немного.

– Гриша, так может, я домой съезжу? – спросила Марина.

– Конечно, – кивнул Гриша. – Меня еще штормит, но понимаю, что надо выкарабкиваться.

– Ты не волнуйся, я завтра с утра приеду, – заверила его Марина.

Прокушенный палец Гриша рефлекторно засунул в рот, при этом с удивлением смотря в глубину сумки, которую распаковывал. На большой упаковке подгузников сидела маленькая собачка и облизывалась с самодовольным видом.

– Я тебя что, тоже в магазине купил? – спросил у собачки Гриша.

Ну, да, так ему и ответили. Он снова протянул руку к собачке, склоняясь к тому, что это галлюцинация. И даже прокушенный палец не мог в его состоянии служить доказательством реальности происходящего.

Когда он вошел в квартиру, его опять накрыло. Он с сумкой в руке простоял с полчаса. Понимание, что его тут не ждет любимая жена, пригвоздило к полу. И не отпускало, потому что Леночка больше никогда не скажет ему:

– Здравствуй, милый! Как прошел день?

По коридору еле прошел, потому что каждый шаг как-то был связан с прошлой жизнью. Замирал. Зависал. Умирал.

Дошел-таки до кухни, вообще не понимая, явь это или он так и продолжает стоять у порога.

Однократный секундный рык и щелчок мелких, и не менее опасных зубов в сантиметре от ладони, пустило по венам адреналин. Реальность подтверждена, а рука отдернулась сама.

– У-у, ты собака злобная!

Сумка завалилась набок, а когда Гриша ее поднял, собаки там не было.

Опять возникли предположения о галлюцинациях, но прокушенный палец кровоточил и дергал болью по нервам.

Сумку Гриша разобрал, и по местам все разложить сумел. Даже лег, правда, не раздеваясь. А потом снова были слезы, которые закончились полнейшей апатией. Стемнело.

– Сам ты собака злобная! – пауза продолжительностью минуты в три. – А что? Просыпаться никто не будет? И даже спрашивать, кто я и что случилось?

– А надо? – ответила Гриша, оставаясь на уровне сознания

между сном и явью.

– Вообще-то, так принято, – заявил голос.

– А у меня – не принято, – спокойно проговорил Гриша. – Я ожидал чего-то подобного, просто не знал, в какой форме все произойдет.

– Так ты образованный! – в голосе проявились нотки радости. – Не надо будет время терять на объяснения и прочую чепуху!

– Почему же, объяснения – дело хорошее, – заметил Гриша, – а можно узнать, с кем имею честь?

– Слушай, ты мне нравишься! Во-во, тебе оказана великая честь явления меня! И да, меня зовут Нелли!

– А палец, зачем прокусила? – спросил Гриша, сложив два и два.

– Нет, а что мне нужно было делать, когда ты немытыми лапами ко мне лезешь? Розу тебе вручить?

– Собакам для этого голос дан, – ответил Гриша равнодушно. – Я не предполагал, что у меня в сумке находится что-то или кто-то, кроме покупок.

– Сумку закрывать надо! – самодовольно сказала Нелли. – Я без всякой конспирации туда залезла. Никто не заметил даже!

– Если мы тут общаемся, зачем было в сумку залазить? – спросил Гриша.

– Хороший, между прочим, вопросик! Грамотный! Отвечу. Для того, чтобы материальная составляющая присутство-

вала рядом с объектом контакта!

– А у нас, значит, контакт?

– Ага, и на удивление стабильный. Прямо поражаюсь! Ты что, не новичок в астральных путешествиях?

– Так, читал кое-какую литературу, но не практиковал. А тут, понимаешь, – Гриша замолчал.

– Я все понимаю, а ты, давай, рассказывай, – потребовала Нелли. – Эмоции в сторону подвинь ненадолго и рассказывай. Ты у меня первый, такой сознательный.

– Сижу, значит, я, в точку смотрю. Ничего не понимаю. Голова вообще не работает. Но картинку реальности воспринимаю. Мебель, стены. И тут реальность поплыла. Вместе моего телевизора, какой-то другой стоит, округлый какой-то. Потом снова мой. Столик меняться начал. То у него высота изменится, то форма, то цвет. Как будто мигание. За границами сознания сформировалась мысль, что это сопредельные реальности прорываются. Ну, или миры параллельные. По телевизору много об этом рассказывают.

Звонкий хохот заставил Гришу остановить рассказ.

– Я что-то не то говорю? – спросил он.

– Если ты мне сейчас еще теорию струн расскажешь, у меня от смеха икота начнется!

– А что не так? – не понял Гриша.

– Ой, все так, – Нелли икнула, – подожди, сейчас успокоюсь.

Гриша прилежно подождал, пока Нелли перемежала вдо-

хи-выдохи с хихиканьем.

– Я тебя перехвалила, – сказала Нелли, успокоившись, – у тебя голова таким барахлом набита, что страшно делается! Есть знания нужные и знания лишние. А у тебя помойка!

– Так я прав или нет? – спросил Гриша, и не думая обижаться.

– А это даже великому страшному начальству не ведомо, – ответила Нелли. – С одной стороны все правда, с другой – все ложь. Тут вопрос полезности. Слово умное знаю: целесообразность! Чтобы путешествовать и делать нужное и важное, достаточно двух слов – Тонкий мир. А вот это все нагромождение – это для теоретиков, которым сюда попасть не светит! Кстати, а чего ты шляешься туда-сюда, если толком ничего не делаешь?

– Я думал, что смогу провалиться в тот вариант вселенной, где моя Леночка выжила.

– Твою блоху! – воскликнула Нелли. – Я же говорю, в голове помойка! Сам придумал глупость, сам в нее поверил, а теперь ждет, что все фантазии реальностью станут! Ой, мало я тебя укусила! Ой, мало! А эта реальность тебе, чем не угодила? Формой телевизора или высотой столика?

– Меня тут ничего не держит, – проговорил Гриша, – Леночка моя умерла.

– Я тебе не только перехвалила, так еще и до небес вознесла! А ты по уму, что тот кузнечик!

– А можно не столько экстравагантно меня унижать? –

спросил Гриша с легкой обидой.

– Что-то все-таки в тебе есть, – задумчиво проговорила Нелли, – так-то ты дурак еще тот, но разговаривать с тобой приятно. Ладно, это лирика. А ты ничего не забыл, что тебя в этом мире держит? Дочка! Катенька! Знакомые слова?

Гриша резко сел в кровати, а над ним стояла Марина с пустой кастрюлей. И еще секунду назад кастрюля была наполнена водой. Сейчас вода стекала с Гриши и впитывалась в матрас.

– Гриша, ты извини, перепугалась я просто, – оправдывалась Марина. – Я пришла, ты лежишь. Я пока проверила, что ты вчера купил, потом еду стала готовить. Слышу, мычишь ты. Я прибежала. А ты дышишь так, будто насос воздух качает. Перепугалась. Трясла тебя, а ты не просыпаешься. Так я водичкой брызнула.

– Нормально со мной, – ответил Гриша, вытирая лицо ладонью, – спал крепко.

Гриша направился в ванну, а Марина крикнула вслед:

– Я для собачки, что ты вчера принес, сосиски варю! Хорошо?

Гриша чуть не спросил: «Какой собачки?», – но вспомнил про материальную составляющую.

– Хорошо, – ответил он, закрывая за собой дверь.

– Вот и ладно, – Марина кивнула и начала снимать с кровати промокшее белье, – если собаку притащил, может, в се-

бя приходит.

Конечно, заслуги она приписала себе: «Две недели, как за малым дитем!»

У Нелли на этот счет был совсем другой взгляд и отличное мнение. Но с Мариной общаться она не нанималась. Да и сосиски закипели, распространяя дразнящие ароматы.

Нелли Гриша кормил сам, хотя с некоторой опаской. Помнил он о маленьких острых зубках. Марина наблюдала со стороны с надеждой, что ее затянувшийся отпуск скоро закончится.

От еды Гриша отказался и ушел в зал. Нелли пошла следом.

– Избавляться от нее надо, – веско сказала Нелли, когда Гриша провалился в прострацию. – Мне не нравится, когда меня прерывают на самом интересном месте!

– Выгнать ее, что ли?

– Просто скажи, что справишься со всем сам, – ответила Нелли, – она сама сбежит. Ты думаешь, только у тебя проблемы? У нее муж на грани побега из семьи. Не тянет он быт. Не приучен. А ты справишься. Если что, тебя я тут прости-мулирую! – и клацнула зубками.

Марина оставляла Гришу с опасением, что просветление у него временное. Замечала, пока собирала вещи, что он то и дело, выпадает из реальности. Правда, и возвращается довольно быстро.

– Гриш, но я позванивать буду, – говорила она.

– Конечно-конечно, – соглашался Гриша.

– Если нужно будет, звони сам, я приеду.

Как только за Мариной закрылась дверь, Нелли заразительно зевнула и направилась в зал. В спальне было делать нечего. Там кровать сохла. Гриша пошел следом за собачкой, предвкушая, что сейчас будет не самый простой разговор.

Нет, Гриша не боялся, он пока не понимал, ни на каком свете находится, ни что делать дальше. А самое важное, не понимал – зачем.

– Слушай меня сюда, – начала говорить Нелли, когда Гриша вошел в контактное состояние, – раз у нас получилось избавиться от нежелательных свидетелей столь мирным способом, будем заниматься делом без проволочек.

– Нелли, да какие могут быть дела? – отстраненно проговорил Гриша. – Сама же понимаешь, что я уже живу почти за гранью.

– Молчать! – Нелли рассвирепела.

Проявилась в тонком мире в виде собачки, сформировала из энергетической сущности Гриши палец и с удовольствием его прокусила.

– А-у! – взвыл Гриша. – Я не думал, что тут можно боль ощущать!

– Можно, – Нелли выпустила палец и сплюнула, – я еще и не на такие чудеса способна.

Палец растаял, боль осталась, а Нелли предпочла остаться в образе собачки.

– Повторяю для ограниченных интеллектуально, – сказала Нелли, – у тебя дочка в боксе лежит. Дозревает, ну, или как это называется. Но она скоро будет в порядке. И ей нужен будет отец. Надеюсь, до тебя доходит, что ей нужен будешь ты?

– Да какой из меня отец? Что я умею? Что я могу? Это моя Леночка все знала и все умела. А я только указания исполнял.

– Я тебе по секрету скажу, что грамотно исполнить указание иногда даже умному человеку сложно. Тебя Лена твоя часто ругала?

– Никогда, – ответил Гриша.

– Значит, делал все правильно. Это огромный плюс к карме! Кстати о Леночках, – Нелли сделала вокруг Гриши крейсерский облет, чтобы потянуть паузу. – Я могу вам устроить встречу!

А сказав это, состроила максимально загадочное выражение на мордочке.

Гриша от таких слов даже в реальность вывалился. Сердце чуть не встало. Хотя нет, колотилось на повышенных оборотах. А вернуться в нужное состояние смог только задержав дыхание.

– Ты можешь связать меня с Леночкой из параллельной вселенной? – выпалил Гриша.

– Бабуин ты макакаподобный! Даже если принять на веру существование параллельных вселенных, ты не подумал, что параллельно-вселенная Леночка живет счастливо с параллельно-вселенским тобой? И если она выйдет с тобой на контакт, то это немножко разрушит ее психику.

– А как тогда?

– Я ему какой день рассказываю про души... Хотя нет, тебе как раз не рассказывала, – Нелли задумалась. – Короче так, все есть энергия, и душа, в том числе. С душой твоей Лены можно пообщаться, пока она не ушла на круг.

– Куда она не ушла?

– На круг перерождения! Такие простые вещи приходится объяснять, что я просто не могу! – возмутилась Нелли.

– А нельзя мне к ней? Ну, с ней?

– Она свое предназначение выполнила, родила ребенка, а ты свое – нет. А тебе нужно этого ребенка вырастить и воспитать! А потом хоть на круг, хоть за край! Общаться будешь?

Очень важно сказать последнее «Прощай!», как и последнее «Люблю!» И не менее важно услышать: «Все будет хорошо! Все у тебя получится!»

А еще Лена сказала, чтобы Гриша не стеснялся просить помощи. Но с помощником поможет Нелли.

– И не надо на меня смотреть, – возразила Нелли, – у меня лапки, и подгузники я менять не намерена. А помощница

будет. Мне только интересно, сами вы столкнетесь или вас сводить придется?

Марина снова переехала к Грише, когда он забрал Катеньку домой. Как могла, обучила минимуму манипуляций, объяснила на пальцах про уход за ребенком. А еще выдала пособие при царе Горохе изданное: «Как воспитать чадо».

– Потом вернешь, мне книжка от бабушки осталась!

Но ее командировка не была длительной. Всего три дня. А потом приехал Игорь и сказал:

– Или мы все переезжаем сюда, или ты едешь со мной! Мы без мамы загнемся!

Гриша ее отправил с обещанием звонить.

Самое начало осени, парк. Гриша пытается быть отцом. В квартире еще по-летнему жарко, а в парке свежо.

Катенька в очередной раз выплюнула пустышку, собираясь проораться, чтобы всем мало не показалось, а Гриша только и успевает возвращать пустышку на место.

Склонился над коляской, продолжая катить ее вперед:

– Катюшечка! Ты же моя крошечка! Сейчас до скамеечки доедем, дам тебе водички! Давай только в тишине доедем, а то на нас опять полицию вызовут!

Удар. Коляска дает крен. Гриша выхватывает дочку из падающей коляски и сам валится на асфальт. А с другой стороны так же на асфальт падает инвалид-колясочник.

– Твою ж мать! – в унисон проговорили упавшие, и только Катенька, выплюнув пустышку, оповестила парк пронзительным: «А-а-а!»

– Кто ж так ребенка держит? – возмутилась Анна, подползая к своему креслу, переворачивая его и забираясь на сиденье. – Тоже мне, папаша! Куда мать смотрит?

– С небес она на нас смотрит, – проговорил Гриша, придерживая Катеньку одной рукой и ставя на колеса коляску.

– Простите, – смутилась Анна, – давайте я ребенка подержу, а вы пока поправьте там внутри!

Гриша передал Катеньку, которая не преминула извергнуть завтрак Анне на майку.

– Ох, простите, пожалуйста, – Гриша потянулся за дочкой, – ее укачало, наверное, во время ДТП. Давайте майку, я выстираю!

– Прямо тут снимать? – спросила Анна, с легкой улыбкой.

– Ой, нет, – Гриша смутился.

С ближайшей скамейки на них смотрела Нелли.

– Гав! – сообщила она.

– Нелли! – снова в унисон произнесли Анна и Гриша.

– Это не вас нам в помощь готовили? – спросил Гриша.

– А это вам помощь нужна? – спросила Анна вместо ответа.

– Грубо вы, Нелли, работаете! И вообще по этому делу

возникло много вопросов.

– Не грубо, а достали! – ответила Нелли. – Я их восьмой раз свожу, а ни мимо проходят. Пришлось работать на физическом соприкосновении. Сами же сказали, что «согласно предназначению» и так далее.

– Положим, сказали вам не так.

– Результат есть? – спросила Нелли и сама же ответила: – Есть! Получите, распишитесь!

– Ладно, вопрос методов всегда остается за исполнителем, – согласилось начальство, – но кто вам позволил выносить приговор и самой же его исполнять? Для этого есть специальные кадры!

– Ваши кадры – лодыри! Как в том анекдоте, то дрова не подвезли, то котлы дырявые! Гуманизм должен быть с клыками!

– Вы ничего не пугаете?

– Я собой довольна по всем пунктам! Ни об одном поступке не сожалею! Хотите, увольняйте!

– С этим тоже – ладно, – проговорило начальство, – спишем на ваш жизненный путь, трагические события и вынужденные действия после оных. Но скажите мне, пожалуйста, насколько обязательно при работе с клиентами упоминать меня?

– Так это, для важности происходящего, – ответила Нелли уверенно, – мол, я не сама по себе, а у меня есть начальство!

– Я могу согласиться с начальством. Даже с великим на-

чальством. Но почему вы меня называли: «Великое страшное начальство»? Страшное – почему?

– А это, чтобы боялись и уважали! – Нелли изобразила самую милую из возможных улыбок.

Забота о нужном человеке

– Мишенька, не бросай меня, пожалуйста! – умоляла Юля.

Миша только глянул в ее сторону, но продолжил, сохраняя молчание, ходить по квартире, собирать вещи.

– Мишенька! Я люблю тебя! Не уходи! Пожалуйста!

Юля ходила следом за ним.

– Ты только скажи, что я не так сделала! Я исправлюсь! Я буду делать так, как ты скажешь! Я что, готовлю плохо?

– Нормально, – Миша снизошел до ответа.

– Я плохо стираю?

– Нормально ты стираешь, – отвечал он, не глядя на нее.

– Может быть, убирать надо лучше?

– Тут и так чисто, – отмахнулся он.

– Почему ты тогда уходишь? Я на тебя давлю? Или свобода твою ограничиваю? Ты скажи!

Он остановился посреди комнаты, повернул к ней голову:

– Юля, ну хватит уже! Я от тебя ухожу. Все, точка!

– Почему? – плакала она. – Почему ты от меня уходишь?

Я что-то делаю неправильно? Ты скажи, как надо!

– Юля, я полюбил другую девушку, – сказал Миша, отво-

рачиваясь, – и ухожу я к ней.

– Ну, что в ней есть такого, чего нет у меня? Я же все для тебя делаю! Готовлю, убираю! Люблю тебя! – причитала Юля.

– Нет, ну, в самом деле! – вспыхнул Миша. – Хватит уже ныть! Полюбил я другую девушку. Хочу быть с ней. Поэтому я ухожу.

– А может это у тебя не любовь? Просто влюбленность? Так я подожду, пока она пройдет! Ты только не уходи! Не бросай меня!

– Ты сама хоть слышишь, что говоришь? Ты предлагаешь мне жить с тобой и параллельно встречаться с другой девушкой?

– Так, если у тебя там не серьезно, зачем от меня уходить? А я прощу! Со всяким же бывает...

– Юля, твою мать, где твоя гордость? Чувство собственного достоинства у тебя где? Я тебе прямым текстом говорю, что ухожу от тебя к другой девушке. Я тебе изменил. Ты, как нормальная женщина, должна была сама меня выгнать!

– Как же я тебя выгоню, если я тебя люблю! Больше жизни люблю!

– Юля, перестань! Ты бы хоть книжку какую про феминизм почитала! Не знаю, ценить себя начала! Уважать, в конце концов!

– Все-все сделаю, только останься со мной! – слезы не стихали.

Миша завел глаза к потолку:

– Господи, да вразуми ты эту ..., – фразу он не закончил, потому что слово «Господи» плохо сочеталось с тем, что он планировал сказать потом.

– Мишенька! Милый мой! Я люблю тебя! Пожалуйста, не бросай меня!

– Хватит! – прикрикнул он.

Юля плакала молча, заламывая руки.

– Где мои носки? – спросил Миша.

– А в шкафу! – Юля позволила себе улыбку зыбкой надежды. – На полочке. Я по парам разобрала и все их погладила!

– Глаженные носки, – Миша закатил глаза, – ты бы еще шнурки погладила!

– Надо? – спросила Юля. – Так давай, я сейчас поглажу! Это быстро!

– Не надо, – ответил Миша, потом постарался наполнить свою интонацию сарказмом и добавил: – Спасибо!

– Если надо, так ты скажи!

– Юля, не сходи с ума!

– А ты руководи мной! – нашлась она. – Ты мне говори, что делать, и я буду так делать! Слова поперек не скажу!

– Ты реально, чокнутая! Как я этого целый год не замечал?

– Да, Мишенька! Мы вместе прожили целый счастливый год! Все же было хорошо! И дальше так будет!

– Юля, уже ничего не будет. Я просто ухожу от тебя, и тебе придется с этим смириться!

– Мишенька, я не смогу без тебя жить!

– Ты точно больная! – бросил он, подходя к двери, – Прощай! И не звони мне!

Звук захлопнувшейся двери, был подобен выстрелу. Юля опустила на пол безвольной куклой. Смысл всей ее жизни ушел без надежды на возвращение.

– За что? Почему? – плакала она, лежа на полу. – Как мне теперь жить без моего Мишеньки? Для кого мне теперь готовить, для кого убирать? Жить для кого?

Два часа причитаний, срывающихся в истерику, привели к единственному решению.

Из бельевой веревки Юля соорудила, как умела, петлю, накинула ее на люстру, несколько раз дернула:

– Выдержит, – заключила она, потому что люстра даже не шелохнулась.

Взяла табуреточку, влезла на нее, продела голову в петлю. Вдох, выдох. И Юля сделала маленький шагок с табуретки.

Юля со стороны смотрела на свое, слегка покачивающееся, тело.

– Загадка! – произнес какой-то голос: – Висит, качается, на «Д» начинается! Что это?

– Девушка, – растерянно ответила Юля.

– А я посмотрю, кто-то полон оптимизма! – воскликнул

ГОЛОС.

– А кто, тогда? – спросила Юля.

– Дура, идиотка, кретинка, экзальтированная особа, припадочная, – перечислял голос.

– Понятно, – в тон голосу ответила Юля, – это все на «Д»?

– Это все, про тебя! – фыркнул голос.

– А я уже все или еще нет? – спросила Юля.

– А ты не пробовала в своей жизни почитать что-нибудь кроме энциклопедии домохозяйки? Ни ума, ни соображения!

– Я что-то не так сделала? – поинтересовалась Юля.

– Если не вдаваться в подробности, то, практически, все! – голос помолчал. – Вообще, данный способ является действенный, когда при рывке вниз ломается шейный позвонок или подъязычная кость. В нашем случае этого не произошло. Рано или поздно, объект, конечно, задохнется. Но, с учетом кривых ручек данного маятника, – последовал смешок, – воздух продолжает поступать в легкие, а объект всего лишь потерял сознание.

– И долго я буду так висеть? – спросила Юля.

– Неа, – ответил голос, – про кривые ручки я сказала? Так вот, узел скоро сам собой развяжется, и ваше брэнное тело рухнет на пол. Могу предвосхитить события. Приземление тебе не понравится!

– Почему?

– Во-первых, синяк у тебя на шее будет офигенным, во-

вторых, кашлять ты будешь с неделю, не меньше, а в-третьих, возникнут проблемы с сидением.

– А это почему? – не поняла Юля.

– Табуретку видишь? Вот на нее ты и приземлишься. Чем ты приземлишься, поняла?

– А ты, собственно, кто? – наконец, спросила Юля, но узел развязался именно в этот момент.

Возвращение в сознание было отвратительным. Болело практически все, но особенно шея и неблагозвучное завершение спины.

– О-о! Кхе-кхе, – вырвалось из горла.

– Чего и следовало ожидать, – заключил до боли знакомый голос.

– Помогите! – просипела Юля.

– Спешу и падаю, – снова произнес голос.

– Тогда, можно, хотя бы не издеваться? – попросила Юля.

– А вот это уже интересно, – голос сменил тональность, – в сознании меня обычно не слышат.

Юля, приподняла голову и увидела на табуретке, с которой были связаны шаг в небытие и боль в районе спины, миленькую маленькую собачку.

– Ты кто? – спросила Юля.

– Я Нелли. Самозанятый дух в виде собачки. Помогаю по доброте душевной таким остолопам, как ты!

– А я Юля.

– С этого момента, можешь честно себя называть пришибленной Юлей, потому что кислородное голодание и падение, что-то накренило у тебя в башке, и теперь ты в альфа-ритме находишься постоянно. И, почему-то, при этом находишь в сознании.

– Что-то я ничего не поняла, – растерялась Юля.

– Не удивительно, – фыркнула Нелли и соскочила с табуретки. – Иди, умойся и в порядок себя приведи! А потом ты мне расскажешь, как дошла до жизни такой.

Водные процедуры немного привели в чувство. А потом на первый план выплыла причина, из-за которой Юля решила поработать маятником. Слезы потекли проторенными тропками.

Нелли, проходя мимо ванной, фыркнула:

– Ну, иди в окно кинься!

Юля обернулась.

– Вешаться ты пробовала, у тебя не получилось. Это оставит естествоиспытателя?

– Я на первом этаже живу, – сказала Юля.

– Тем более! – заметила Нелли. – Обиднее будет очухаться в окружении окурков и плевков соседей сверху!

– Ты издеваешься? – спросила Юля.

– И как это ты догадалась? Может тебе чаще надо головой стучаться, чтобы там хоть что-то работать начало?!

– Мне так плохо, а тут ты еще! – процедила сквозь зубы

девушка.

– И это не худшее, что с тобой произошло, – Нелли вильнула хвостом.

– А с чем сравнивать? – Юля вышла из ванной. – С тем, что я рухнула, или с тем, что от меня мой Мишенька ушел?

– Мишенька твой – парнокопытное мелкой масти, нуждающийся в дезодоранте, а падение – это исключительно твоя вина. Взясась за дело, не зная, как и что! Почитала бы литературу, посмотрела бы в интернете. В тонкостях бы разобралась. А все туда же, веревку в руки, табуретку под ноги. И что о тебе можно после этого сказать?

– Не надо ничего говорить, – обиженно проговорила Юля.

– Сама понимаешь, уже хорошо, – Нелли прошествовала на кухню и оттуда крикнула: – Пошли, разговаривать будем!

На правах духа, Нелли покопалась в сознании Юли, чтобы понять, с чего она такая пришибленная, а ответ оказался прост. Родители!

Юлин отец хотел сына, а когда появилась дочь, охладел к семейной жизни. Нет, из семьи он не ушел, но гулял страшно. Деньги, разве что, приносил. А внимание уделял только тогда, когда ему нужны были чистые вещи.

Мама Юли всеми силами старалась удержать мужа и вернуть былую любовь. Так старалась, что дочкой занималась по остаточному признаку.

А сама Юля, с самого раннего детства, искала внимания,

ласки, любви, нежности. Но натыкалась лишь на нерушимую стену. Потому-то у нее и выработалась острая потребность заботиться о том, кто находится рядом с ней. Всем сердцем она не желала той участи, жертвой которой стала сама.

– Понимаешь, Нелли, я все для него делала! Все-все! Ни словом, ни взглядом не упрекнула, не обидела! Заботилась изо всех своих сил. А он просто взял и ушел! Почему так?

– Объясняю для особо одаренных, – Нелли улеглась на бок и прикрыла глазки. – Люди разделяются на «человеков» и на «функцию». Человек – это личность! Там полно характеристик, считаешь на досуге. А вот функция – это, в какой-то мере, тоже человек, только его воспринимают не как живое существо, а как результат его деятельности.

– Это как? – не поняла Юля.

– Ага, – Нелли открыла один глаз, наградила Юлю скептическим взглядом, и снова глаз закрыла. – У нас тут сильно одаренные. Хорошо, давай иначе. Ты видишь машину. Для чего она нужна?

– Ездить, – ответила Юля.

– Пальто?

– Носить.

– Зонт?

– Прятаться от дождя.

– Вот! Это функции. Функциональность вещей. А твой Миша увидел в тебе функцию домработницы. Пользовался

до поры до времени, пока не нашел личность. Он тебя эксплуати-ро-вал! – произнесла Нелли по слогам.

– Так я не была против, – сказала Юля, растерянно, – мне самой нужно о ком-то заботиться!

– Чебурашка ты безухая! – фыркнула Нелли. – Вот перед тобой лежу я, маленькая собачка! Знаешь, как мне тяжело маленькими лапками бегать? А на земле вечно мусор всякий! Стекло!

Юля подхватила лежащую Нелли на руки и быстро проговорила:

– Я буду тебя носить на ручках!

Он такой фамильярности Нелли выпучила глаза. Так бесцеремонно ее хватать – было верхом наглости!

– Поставь меня на планету! – прорычала Нелли.

– Я же хотела, как лучше, – растерялась Юля, опуская с величайшей осторожностью собачку на пол.

– Пошли, хотела она, – буркнула Нелли и направилась в зал, где не так давно висела Юля.

Подошла к зеркальной дверце шкафа в полный рост.

– Где ты там? – спросила Нелли.

Юля стояла на пороге зала и смотрела на веревку, свисающую с люстры:

– Надо ее убрать, – проговорила она.

– Нет, не надо, – сказала Нелли, – закрути ее наверху, пусть напоминанием работает о твоей глупости. Сюда иди!

Юля подошла к Нелли и встала напротив зеркала.

– Что видишь? – спросила Нелли.

– Себя, – ответила Юля.

– Нравится?

– Не очень, – Юля потрогала внушительного размера синяк на шее.

– Это пройдет, я спрашиваю в целом.

– Ну, тоже как-то не очень, – проговорила Юля.

– А теперь урок! – Нелли присела на хвост. – Вот этому человеку нужна помощь! Уход нужен и забота! Хочется тебе позаботиться о ком-то? Вот! Непаханое поле! Помоги этому человеку доползти до спортзала, до косметолога, до парикмахера. А еще заведи его в библиотеку! Жуть, какой этот человек тупой!

– Ты уверена? – спросила Юля.

– Попрошу без оскорблений! – фыркнула Нелли. – К тебе сам дух-покровитель пришел, а ты тут в компетенции сомневаешься! Наглость несусветная!

Нельзя сказать, что следующие полгода были простыми для Юли. Сначала под руководством Нелли, а потом уже сама, так сказать, по инерции, Юля перестраивала себя. Научилась не только себя любить и ценить, но и покорять окружающих.

Кавалеры ходили за ней табунами, а Юля только посмеивалась, видя их глупые ужимки, чтобы занять место рядом с ней.

А тут вдруг Миша попался на пути:

– Ух, ты! Какая ты стала! – воскликнул он при встрече.

– Нравится? – спросила Юля.

– Обалдеть – не встать! Царица во плоти!

– Приму за комплимент, – сказала она с легкой улыбкой, – ладно, пока, у меня дела.

– Подожди, – Миша покраснел, – может, попробуем заново?

– Что именно? – лукаво спросила Юля.

– Ну, может, я в гости зайду? – Миша ухмыльнулся. – По старой памяти.

– Не хочу! – по слогам сказала Юля. – Ни тебя не хочу, ни старой памяти!

– Может ты меня и не любила? – спросил он с легкой агрессией.

– А это сейчас важно? – спросила она, заводя локон за ухо. – Ты у себя спроси, а любил ли ты меня? Пока-пока, – она помахала ладошкой и не удержалась, чтобы добавить: – Поросеночек!

Он смотрел вслед звонко смеющейся девушке, и понимал, насколько много он потерял.

Не будите ведьму

– Петр Андреевич, я могу задержаться на работе, – сказала Настя, зайдя в кабинет начальника, – или в выходной день выйти.

– Зайцева? – он поднял уставшие глаза. – Рвение похвально, но премии не будет.

– Так я не за премию, – Настя смутила, – но, если надо, так я готова.

– Зайцева, – Петр Андреевич повернул голову в сторону девушки, – хвалю за трудолюбие, но у меня для тебя сейчас работы нет!

– У меня есть, – сказала Маргарита, – я ее забираю.

Она располовинила стопку папок, что брала для отчета, и часть вручила Насте.

– За мной! В бухгалтерЭрию!

– Будешь дальше врать про альтруизм или расскажешь, чего тебя на самом деле домой не тянет? – спросила Маргарита, когда они закрылись в кабинете.

Настя покраснела:

– Я помочь хочу...

– Будешь врать, долго тут не проработаешь! – Маргарита строго погрозила пальцем. – Свекруха?

– Откуда вы знаете? – Настя обомлела.

– Действительно, откуда мне знать? – Маргарита улыбнулась. – Я, между прочим, тоже замужем. Сама первое время домой идти не хотела, чтоб даже не видеть дорогую мамочку любимого мужа.

Настя смущенно молчала.

– Тогда мы с тобой сейчас чая поьем, побеседуем, а если муж волноваться будет, я ему сама скажу, что ты работаешь.

Под чай с шоколадными конфетами Настя разоткровенничалась:

– Первое время все было хорошо. Она меня не трогала, я к ней не лезла. Взаимная вежливость и ничего более. Я не должна любить маму мужа. А потом ее как переключило. Начались непонятные претензии. То овощи я в борщ не в той последовательности кидаю, то тряпку не по часовой стрелке отжимаю. Форменный маразм!

– Нет, моя дорогая, это не маразм, это давление. Она смотрит, на чем ты проколешься, чтобы тебя гнобить. На излом пробует.

– Да зачем ей это? – удивилась Настя.

– Чтобы подавить, чтобы растоптать, чтобы манипулировать, – спокойно проговорила Маргарита.

– Господи, – Настя ужаснулась, – зачем так-то?

– А это она для сыночка своего старается, что ты в нем бога видела, раболепствовала. В служанках бегала, и права слова не имела! – разъяснила Маргарита.

– Но он же меня другую полюбил, и любит меня такую, какая я есть, – проговорила Настя, чуть не плача, – неужели она этого не понимает?

– Она и не захочет понимать. Вот я тебе так скажу, для нее тайна, как он вообще смог полюбить кого-то, кроме своей мамочки. Потому она и делает все, чтобы ее сыночек, как сыр в масле, даже тогда, когда ее не станет.

– Ужас!

– Что ты! Какой же это ужас? Ужас будет, когда она своего добьется! Вот тогда ты будешь завидовать тени!

– Так что мне, разводиться? – спросила Настя. – Я ведь его люблю, как и он меня.

– Съезжайте на квартиру, ипотеку берите, что угодно, только не с ней рядом.

Дельный и правильный совет, но:

– Мы только что машину в кредит взяли, – проговорила Настя, – с деньгами совсем худо.

– Кстати, развод – это не выход, – сказала Маргарита, – другая свекровь, а проблема та же. Это у них в подкорку записано. Вот сын у тебя родится, уверена, так же будешь на его невест фыркать. У меня двое сыновей. Когда старший невесту в дом привел, честное слово, с первого взгляда возненавидела, хотя девочка хорошая. Откуда что берется? Но я помню свои страдания, потому на глотку себе наступила.

Настя тяжело вздохнула.

– Я с тобой своим рецептом поделюсь, как я издеватель-

ства перенесла. Вот ты думаешь, что свекруха будет до конца своей жизни пакостить? Нет! Рано или поздно смирится, если не получится. Ну, будет гавкать время от времени, но активно добивать не будет. А там, глядишь, и жилплощадью обзаведетесь.

– А есть рецепт? – удивилась Настя. – Я просто даже представить не могу, что я могу ей противопоставить. Не драться же мне с ней?

– Упаси Боже тебе выйти на открытый конфликт! Любой сынок всегда на мамину сторону встанет, даже если потом пожалеет. А рецепт простой – успокоительное!

– Что «успокоительное»? – не поняла Настя.

– Все что угодно: ромашковый чай, валерьянка, таблетки, что без рецепта.

– И это сработает?

– Еще как! – Маргарита хищно улыбнулась. – Представь, она на тебя орет, а ты не реагируешь. Она тебе говорит, как надо делать, сcejивая яд тебе на макушку, а ты спокойно делаешь. Ты даже представить не можешь, как ее это бомбить будет! На меня моя как-то с ножом кинулась, напугать хотела. А я спокойно ножик у нее из ладошки вынула и говорю: «Ножик острый, не порежьтесь!» Так она, разве что, ножками не затопала. Ну, два года я так прожила, а потом нам с мужем квартиру дали.

Настя наконец-то улыбнулась:

– Спасибо! Так и буду делать!

– Только ты это, не переборщи, – предостерегла Маргарита, – а то связь с реальностью на почве безразличия потеряешь.

– Солнце час назад зашло, долго еще загорать планируешь?

Настя очень медленно повернула голову в сторону голоса, но рядом с собой на скамейку увидела только маленькую беленькую собачку.

– У-у, как все запущено! – собачка повернула голову к Насте. – Тебе умный человек говорил, знай меру! А ты что?

– А я что? – спросила Настя, медленно моргая.

– А ты можешь тут на лавочке остаться, когда сердце встанет! – собачка притопнула лапкой.

Настя, перед уходом с работы, выпила ромашковый чай, закинулась валерьяной и еще кое-чем из разрешенного списка. А потом присела на лавочке в сквере, чтобы дожидаться эффекта перед возвращением к «любимой» Валерии Николаевне.

Накрыло ее основательно, что встать она уже не смогла. Переборщила.

– У тебя мысли, что крутой кисель, – недовольно проговорила собачка, – ты хоть помнишь, кто ты?

– Я Настя, – растягивая звуки, ответила девушка.

– Я уже сама из твоего сознания считала, кто ты, и что ты творишь. У меня только один вопрос? Ты, молодая, кра-

сивая, умная, не смогла с какой-то Валерией Николаевной справиться? Ну, без этого всего, – и собачка задумчиво покрутила головой.

– Она когда-нибудь отстанет или мы съедем, – еле выговаривая слова, ответила Настя.

– Скорее ты отъедешь в места дикой охоты, чем она успокоится, – буркнула собачка.

Настя распахнула глаза, пытаясь понять, что вообще происходит.

«Я не только переборщила с успокоением, но и собрала секретную формулу чего-то галлюциногенного».

– Я не галлюцинация, и не надейся! – собачка подошла и оцарапала девушке руку.

Четыре бороздки на тыльной стороне ладони отозвались болью, и Настя даже руку одернула, правда, с задержкой в минуту.

– А кто ты? – спросила Настя, переводя взгляд с царапин на соседку по лавочке.

– Вежливость победила или любопытство? – собачка склонила голову набок. – Ой, ладно, не старайся. Зовут меня Нелли и я – самый прекрасный в мире дух-покровитель таких, как ты!

– Это, каких таких? – спросила Настя.

– Святая косточка! Раз обижаешься, сегодня не отъедешь!

И на самом деле, Настя приходила в себя. А вместе с сознанием выплывала в памяти беседа. Но Нелли продолжала

сидеть рядом.

– Ты еще далека от нормы, потому я и не думаю растворяться или замолкать, – сказала она, забираясь девушке на колени. – И чего? Лавочка холодная!

– Нелли, понимаешь, мне кажется, что она ведьма, – шепотом произнесла Настя.

– Ну, положим, тебе не кажется, – проговорила Нелли, – но это не повод ходить сомнамбулой. Что, одна ведьма с другой справиться не может?

– А я что, тоже ведьма? – удивилась Настя.

– Каждая женщина ведьма, – серьезно сказала Нелли, – если ее не бесить, она будет доброй и ласковой. А если хорошенечко разозлить, то просыпается такая, как в сказках показывают. Правда, с возрастом, у всех характер портится, но это мелочи.

– Ты хочешь сказать, что я стану такой же, как Валерия Николаевна?

– Не обязательно, но не исключено, – флегматично заметила Нелли.

– Скорее бы моя ведьма проснулась, чтобы я со свекровью справилась, – вздохнув, сказала Настя. – Госпожа Нелли, а вы можете мне помочь?

– Госпожа! – важно произнесла Нелли и подставила пузико для почесывания. – Госпожа Нелли! Как мне это нравится!

На мордочке проявилось блаженство.

– Ну, раз я госпожа, то могу позволить себе некоторые вольности, – она села на колених у Насти, повернув к ней мордочку. – Есть такой вариант: я вселяюсь в тебя, и в самых ответственных моментах буду перехватывать управление. А ты, в этот момент, будешь, условно, стоять в сторонке, слушать и учиться.

– Хорошо, – согласилась Настя.

– И где ты шлялась до поздней ночи? – Валерия Николаевна накинулась на невестку с порога.

Нелли пришлось брать все в свои лапки сразу:

– На работе я была, можете начальнику позвонить!

– Что ж это за работа и за начальники такие, что до полуночи, считай, вкальвают?

– А вот представьте себе, чтобы деньги зарабатывать, работать приходится!

– Что-то я денег твоих и не вижу! – прокричала Валерия Николаевна.

– А с чего вы их видеть должны? – Настя приподняла бровь. – Мои деньги и я сама их трачу!

– А едим-то мы из одного холодильника!

– Только вы в него ничего не кладете! Где ваша пенсия? Зажали? А на мою зарплату рот разеваете? Хватает того, что вы в холодильнике не стесняетесь!

– Мелкая хамка!

– У вас, у старшей, научилась! – и Настя гордо прошла в

комнату.

Не успела Настя переодеться, как Валерия Николаевна всунула голову в комнату:

– Нагулялась? А ужин не приготовила! – сказала так, чтобы услышал Алексей.

– Так вы дома день просидели, могли бы что-нибудь и приготовить! – заявила Настя, под руководством Нелли. – Я-то бутербродом обойдусь, а сына своего могли бы и накормить!

– Где твоя хозяйственность?! – взвизгнула Валерия Николаевна.

– В три секунды появится, как только документы увижу, что квартира на меня оформлена, – отбрила Настя.

– Ах ты, гадина! Квартиру мою решила к рукам прибрать!

– Даром не нужна, если вы в ней будете!

– Леша, ты слышишь, что она говорит твоей маме?

– Ладно, хватит вам. Я на ужин пиццу заказал.

– Прекрасно, – сказала Настя, направляясь в ванну.

– Ужасно! Это же вредно! – остолбенела Валерия Николаевна. – Там же специи и канцерогены!

– А вас ее есть никто не заставляет! – крикнула Настя из ванной и захлопнула за собой дверь.

Следующим днем была суббота, день выходной. Как не искала Настя работу, Петр Андреевич отправил ее отдыхать. Алексей с раннего утра поехал на СТО, что-то с машиной

было по гарантии. В итоге Валерия Николаевна осталась с Настей наедине.

Вечерняя пицца не принесла отдыха телу, поэтому Настя вставать не спешила, но и поспать не могла. Валерия Николаевна что-то затеяла на кухне, производя всевозможные шумы.

– Это она специально? – мысленно спросила Нелли.

– Не думаю, что столько шума можно производить случайно, – ответила Настя.

– Ясно, сейчас мы взвесим даме фунт изюму!

Настя встала, накинула халатик и направилась на кухню:

– Кулинарными изысками решили нас порадовать, али уборкой развлекаетесь в кои-то веки?

– Лешенька приедет, накормить его нужно! Ты ж дрыхнешь до полудня!

– Не сказала бы, что не хочу вас огорчать, но мы сегодня развлекаться едем. А до этого встречаемся в торговом центре, там и пообедаем. Так что, Лешенька приедет поздно ночью. – Настя повернулась, чтобы уйти, но Нелли добавила: – Вряд ли он будет голоден!

А планы действительно были такими. Ночью придумали, раз у Насти выходной, а машина будет отдыхать на ремонте.

– А для кого я тут стараюсь? – возмутилась Валерия Николаевна.

– Для себя любимой и обожаемой! – Настя хохотнула и ушла в комнату.

Воскресное утро началось поздно, Настя с Лешей загуляли на славу. А раз Лешенька спит, Валерия Николаевна вела себя тихо. Но ему позвонили с СТО и велели привезти какой-то договор, иначе не заказать нужные детали. В итоге он сорвался, оставив любимую жену наедине со своей любимой мамой.

Настя продолжала валяться в кровати, собираясь с силами, чтобы немного убрать в комнате.

Вчера было не до того, а до этого она с месяц тестировала успокоительные смеси. А они, как оказалось, не лучшие спутники для плодотворной работы по дому.

– Грязюка в доме, а она бока отлеживает! – завелась Валерия Николаевна где-то в квартире, как только Леша ушел.

Настя встала, дошла до кухни, не удостоив даже взглядом свекровь, взяла веник и торжественно протянула ей:

– Знакомьтесь! Вы ж такая поборница чистоты, что, наверное, и не виделись.

Настя демонстративно бросила веник к ногам Валерии Николаевны, развернулась и ушла досыпать.

Месяц постоянных переругиваний, где каждый раз Валерия Николаевна садилась в лужу, заставил ее притихнуть. Мало того, что сама на конфликты не шла, так и пакостить за спиной перестала.

– Нелли, спасибо! – сказала Настя мысленно, но ей никто

не ответил.

– Нелли! – позвала она.

А Нелли давным-давно сбежала из Настиного сознания. Задачу она свою выполнила, разбудила в милой девушке ведьму. И потребовалась ей неделя. А дальше Настя уже сама, можно сказать, по инерции.

Что поделаешь, если милым девушкам жизни не дают, тогда просыпаются ведьмы!

Фальшивый до мозга костей

– Головой!

– Что?

– Головой, говорю, попробуй! Я слышала, что даже самые крепкие стены можно прошибить головой.

– Сейчас!

Марина наклонилась и побежала вперед головой.

– Оспадя! – что означало восклицание «Господи!», но с высшей степенью разочарования.

Марина проснулась резко. А потом уже поняла, что лежит на полу рядом с кроватью.

– Ох! Ё! Холерная тумбочка!

Голова у Марины болела, видимо, потому, что о тумбочку она в падении и приложилась.

– И кто придумал, что в гарнитуре должны быть тумбочки? – спросила она у потолка. – Лучше бы лишний комод сделали! Или шкаф. Ну, или маленький шкаф, – сетовала она, поднимаясь с пола. Остановила взгляд на тумбочке. – Ну, вообще-то, это и есть маленький шкаф...

Насладившись собственной утренней тупостью, она по-

брела на кухню.

– Курицу надо к башке приложить, а то шишак вскочит, никакой укладкой не спрячешь, – пробурчала она, засовывая голову в морозилку.

Курицы не было, только пачка пельменей.

– А где пернатая еда? – спросила она, поморщившись.

А пернатую еду она позавчера скормила Юрочке, когда он приходил в гости. Но для Юрочки было не жалко.

Размораживая пельмени собственной головой, Марина думала о сне, который привел ее на пол. В нем было что-то необычное. Иное, чужеродное. Не такое, как всегда.

– Советы идиотские, – вспомнила она. – И кто, интересно, у нас в советчики записался?

Но для ответа на этот вопрос время еще не пришло, а голова продолжала немилосердно болеть.

А сон? До нынешних изменений, сон повторялся с завидной регулярностью, и был копией самого себя.

«Марина стояла перед стеной из красного кирпича. Ни слева, ни справа край стены не просматривался, а сверху ее край, если он, конечно, был, терялся в облаках. Но Марина знала точно, что ей нужно на ту сторону. И нужно было сильно.

Понятно, что биться о стену занятие малопродуктивное, поэтому на ее счастье в стене была дверь. Но она была за-

перта.

Вот в эту дверь Марина и ломилась из одного сновидения в другое. Понятно, без особого результата».

Без всяких толмачей и сонников было понятно, о чем этот сон.

– Юрочка! – Марина расплылась в блаженной улыбке.

– Любимый мой, хороший мой! – приговаривала Марина, скармливая помятую курицу, хозяину своего сердца Юре.

– Очень вкусно, любимая! – говорил Юра, уплетая за обе щеки.

– Это такое счастье, кормить своего мужчину! – а в глазах нежность и ласка.

– Ты настоящая волшебница! – стараясь не подавиться, отвечал Юра.

– Все только для тебя! – и преданность, и покорность.

И только накормив и обласкав, Марина задала вопрос, который не давал ей покоя:

– Милый мой, когда мы уже сможем быть по-настоящему вместе?

А Юра всеми путями старался избежать этого вопроса. Заключил Марину в объятия и принялся целовать.

– Юрочка, любимый мой! Мне так тяжело, когда тебя нет рядом! – говорила Марина, погружаясь в пучину неги его ласк.

– Я люблю тебя, мой мышонок! Моя девочка! Радость

моя!

– Юрочка, я для тебя готова пойти на что угодно!

– Не надо тогда на меня давить, – проговорил он, не переставая ее ласкать, – как только будет возможность, мы сразу же поженимся.

– Только об этом и мечтаю! – с придыханием отвечала Марина. – Только этим и живу! Чтобы ты наконец-то стал моим! Целиком и полностью!

– Мариночка!

И только спустя полчаса Марина смогла повторить свой вопрос, а у Юры не было сил, чтобы избежать ответа.

– Мариночка, милая моя, ты же понимаешь, что люблю я только тебя! И быть хочу с тобой не меньше, чем ты со мной. Но сложилось так, что у меня жена, дети. Не получается пока от них уйти.

– Да я понимаю, Юрочка, – сказала она и прильнула всем телом, – а может, получится это сделать хоть капельку быстрее?

– Солнышко мое, я стараюсь изо всех сил, – убеждал он ее, – но не только от меня все зависит. Я же хочу, чтобы все было по-человечески, по справедливости. У жены сейчас на работе проблемы большие, дети с нагрузкой в школе не справляются. К директору вызывают постоянно. Я, конечно, могу поступить как последний эгоист и просто их всех бросить, но сам же потом винить себя буду, что бросил не чужих

мне людей в самый сложный момент жизни.

Марина тяжело вздохнула.

– Мало того, что я сам себя уважать перестану, так и тебе меня уважать будет не за что. Получается, что предатель я, если сейчас от них уйду.

– Ты же говорил, что у вас с женой уже все кончено, просто как соседи живете, – тихо проговорила Марина.

– Да, моя хорошая, у нас с ней просто дружеские отношения. Но и их я предать не могу. Друзей же не предают. Говорю, на работе у нее сложности, а тут еще близкий друг ее предаст. Поставь себя на ее место.

– Какой же ты все-таки хороший, – опять грустно вздохнула Марина, – потому и люблю тебя больше жизни!

– И я тебя люблю, мое солнышко! Радость моя! Скоро уже. Скоро мы сможем быть вместе всегда-всегда, – убеждал Юра, – надо просто еще немного потерпеть!

Подобный разговор не был первым. И Марина подозревала, что не последним. Сейчас у его жены трудности на работе, до этого его теща болела, а до этого старший сын Петр кого-то мальчика сильно побил. Чуть до суда дело не дошло.

Препятствия возникали на каждом шагу. Но был и прогресс.

– Мариночка, я купил нам квартиру! – обрадовал Юра однажды вечером. – Записал на стороннего человека, чтобы при разводе не делить. Так что, у нас будет свое гнездышко.

Там сейчас ремонт идет, но когда закончат, мы сможем спокойно встречаться там!

Новость была хорошая, только ремонт бесконечным, потому что все последующие свидания проходили в квартире Марины.

Отсюда и сон. Марина пытается проломиться сквозь стену, чтобы быть с Юрой. И дверь есть – прямая дорога. Только препятствия оставляют дверь закрытой.

Марина думала, что когда она проломит дверь во сне, тогда и в реальности появится решение, при котором Юра, наконец-то, будет с ней.

Сон повторялся из раза в раз вплоть до сегодняшней ночи. А в этот раз ей дали совет.

«Идиотский, но может быть в этом решение?» – подумала она, убирая в морозилку основательно растаявшие пельмени.

Марина стояла перед дверью в бесконечной стене и ждала появления советчика. Дверь была заперта, стена неприступна, а советчик отсутствовал. Она подошла и пнула дверь ногой, потом еще раз и еще. Чуть отошла назад и, взяв разбег, впечаталась в дверь плечом.

– Тебе русским языком было говорено, головой надо!

– А ты кто? – выпалила Марина, сползая под дверь.

Удар получился качественным. Был бы в реальности, дух

бы вылетел.

– Да чего дожились с этой самосознательностью, – проворчал голос, – то есть, осознанные сновидения уже никого не удивляют. Так, мол, и надо. Спокойненько шляются по запредельной реальности! А надо им только узнать, кто это с ними заговорил! Фхм!

– Чего-чего? – Марина ровным счетом ничего не поняла.

– А потом у меня спрашивают, почему у меня скверный характер?

Рядом с Мариной материализовалась маленькая беленькая собачка. Мордочка выражала крайнюю степень недовольства и скепсиса.

– Я – Нелли, – проговорила собачка, и уселась на собственный хвост, – легче стало?

– Нет, – проговорила Марина, принимая сидячее положение, облокотившись на дверь.

– Чего спрашивала тогда?

– Мне туда надо, – Марина показала за спину, – и ты можешь мне помочь.

– Умные какие все стали, хоть на пенсию выходи, – проворчала Нелли. – Ну, могу помочь. И что? Ты же сама не знаешь, надо ли тебе туда или не надо.

Марина открыла рот, чтобы доказать, что ей очень туда надо, потому что там Юрочка. Любовь всей ее жизни!

– Ой, ладно! Успокойся! – Нелли махнула лапкой. – То, что ты веришь, что тебе туда надо, я и так вижу. Не надо мне

тут устраивать потуги в красноречии и прочие признания в чистоте помыслов. Я такой лабуды сама могу придумать.

Марина смотрела на Нелли, вытаращив глаза.

– Я тебе говорю, что тебе туда не надо! – заявила Нелли. – Ты просто ничего не знаешь! Все, я тебе помогла, я пошла. У меня тут важное дело неподалеку, занята я, в общем. А ты тут долбишь постоянно! Мешаешь! Прекращай это глупое занятие!

– Но я хочу... – Марина подала голос.

– Твою ты мышь! Когда уже эти человеки начнут с приличием относиться к сверхсуществованиям? Понятно же сказала, нечего тебе там делать! Займись своей жизнью! Все, я пошла!

– Подожди! – выкрикнула Марина.

– И чего тебе еще надо? – Нелли начала злиться. – Я тебе уже все сказала, что нужно делать. Четко и точно.

– А почему? Чего я не знаю?

– Ответ, что ты ничего не знаешь, тебя устроит?

– Нет, – ответила Марина.

– Молоко, что ли, за вредность требовать? Или прибавку к зарплате? – задумчиво произнесла Нелли.

– Я заплачу, у меня есть деньги, – заверила Марина и стала искать на одежде карманы.

– Богатые все стали! Страшное дело! Мозгов бы купила, мне проблем меньше было! – проворчала Нелли. – Полетели!

– Куда? – спросила Марина.

Она в своих снах толком управляться не могла. Только со стеной этой с дверью продолжала себя осознавать.

– Знакомьтесь с Юрочкой! – недовольно проговорила Нелли.

Перед глазами все смазалось, замельтешило, что-то куда-то понеслось, а потом резко остановилось. Марина не узнавала место, в котором они с Нелли оказались, но Юру узнала сразу.

– Смотри! – сказала Нелли и махнула лапкой в сторону Марининового возлюбленного.

– Ты пол помыл? – спросила суровая женщина у Юры.

– Сейчас, Наташенька, пыль вытру и сразу же помою, – лебезил Юра.

– Потом на кухню, тебя ждет посуда, – напомнила она, – обед сама приготавлию. Награда тебе будет, за то, что ты ночью устроил. Молодец! Постарался!

Юра нежно улыбнулся и ушел в ванну за шваброй.

– Это кто? – не поняла Марина.

– Юрочка твой и жена его законная, – проговорила Нелли.

– Он говорил, что они живут как соседи, а не разводятся, потому что у нее проблемы на работе, – промямлила Марина.

– Старо, как мир. А проблема у его жены только одна – муж тряпка, лодырь и прихлебатель. Альфонс, короче.

– Как альфонс? – удивилась Марина. – Он сказал, что квартиру нам купил. Мы даже ездили туда. Ремонт там. Только спальню отремонтировали.

– Ладно, едем дальше, – согласилась Нелли, – если тебе этого мало.

Снова бестолковый калейдоскоп.

– Юрочка, какая прекрасная квартира! – восклицала девушка.

– Светочка, я так тебя люблю! Это будет наше семейное гнездышко! – говорил Юра, обнимая девушку. – Только я разведусь, и мы сюда переедем!

– Господи, как же я устала ждать! Я так тебя люблю!

– И я тебя, мое солнышко!

– А это кто? – взревела Марина.

– Коллега твоя! – Нелли рассмеялась. – Светочка! А еще у него есть Леночка, Катенька и Оленька! Посмотреть не желаете? – ехидничала Нелли.

– Спасибо, что-то не хочется, – проворчала Марина.

– Тогда, бывай здорова, не кашляй! И не шуми в следующий раз! – Нелли растаяла, а Марина открыла глаза, лежа у себя в постели.

Лица, которые Марина увидела под предводительством Нелли, запомнила хорошо. А придя в сознание, сразу же

разобралась в ситуации.

Наташа, жена Юры – это была Наталья Олеговна, хозяйка фирмы, где трудится Марина. Все знали ее как властную жестокую женщину. А еще, что у нее есть муж, который ей прислуживает.

А еще известно было, что Наталья Олеговна любит жесткие развлечения из разряда плеток и кожи. С точным названием определить сложно, но в обществе об этом говорить не принято, а все мнения сводятся к короткому:

– Фу-фу-фу!!!

Так вот, мужа ее никто никогда не видел. А вот оказалось.

И Свету Марина вспомнила. В соседнем отделе работает, учетчица.

– На работе у жены Юрочка себе баб подбирает, – поняла Марина, – как только не спалился до сих пор? Опытный, похоже. Ну, ничего! Сейчас мы тебя приземлим, орел оципаный!

– Что здесь происходит? – громогласно поинтересовалась Наталья Олеговна, увидев толпу сотрудников у доски объявлений.

Перед ней расступились.

На стенде была большая фотография Натальи Олеговны и ее мужа. Приличная фотография. Ее Марина нашла в интернете. Свадебная. А сверху красовалась надпись:

«Поздравляем с юбилеем свадьбы!»

– Приятно как! – Начальница криво улыбнулась. – Пятнадцать лет!

Развернулась и пошла к себе в кабинет, расталкивая побледневших сотрудниц. Они-то признали Юру, потому как аппетиты у него были не маленькие.

– Так это что же получается? – покатались шепотки по офису.

Нелли ухохатывалась такой изящной мести. Никто ничего не сказал, зато все всё поняли.

– Красиво! – заключила она. – Настоящий «Рррь...»!

И мозги отрастить можно

– Ленка, ну, в самом деле! Что за цирк? – воскликнул Влад.

Он подбежал к двери, за которой скрылась девушка, схватил за ручку, но рука прошла сквозь металл.

– Это еще что за фокусы? – Влад пытался ухватиться за ручку раз за разом с тем же эффектом.

Попытался выбить дверь плечом, но от первого же удара, а он его почувствовал, осел на пол.

– Что за чертовщина? – взревел он.

– Божечки-песечки, сколько вопросов! – воскликнул голос.

– Ленка, хватит прикалываться! Или ты издеваешься? – прокричал Влад.

– Это еще посмотреть надо, кто над кем издевается, – флегматично заметил голос.

– Лена, хватит уже! – воскликнул Влад.

– Для информации, – продолжал голос, – Лена сейчас садится в машину, выжимает газ, а километра через три поцелуется с деревом. У нее будут сутки, чтобы ее нашли. А дальше все.

– А кто это говорит? – ошарашено спросил Влад.

– Московское время, – смешок, – и тебе осталось недолго!

– Да я тебя закопаю! – взревел он, поднимаясь с пола. – А это еще что за композиция?

Он таращился на собственное тело, распластанное на полу лицом вниз.

– С такого ракурса себя не признал? – спросил голос посмеиваясь. – Познакомься! Это Владик, глупый мальчик, а это его филешка!

В хихиканье не было и намека на доброту.

– Так она меня вазой династии Мин все-таки приложила? – удивленно спросил Влад. – А почему я не помню этого?

– Во-первых, никаким Минем там и не пахнет, и ты не хуже меня это знаешь. А не помнишь ты потому, что, говоря патетично: «Дух вылетел моментом!»

– А я уже того? Или еще не очень? – спросил Влад, присаживаясь на пол рядом с телом.

– Ну, голова у тебя дубовая, так что еще не совсем, но сотряс у тебя серьезный, плюс кожа рассечена основательно. Не знаю, не знаю, – последовала пауза, – часов шесть, может быть, восемь, у тебя есть. А потом, как в песне: «Да-ле-ка до-орога твоя-а-а...»

– А кто ты такое, что столько всего знаешь? – поинтересовался раздраженно Влад.

– Вы посмотрите на этого товарища! У него рациональное мышление проклевывается! Ситуация критическая, если не сказать «кретиническая», а он тут рационально думать пытается!

– Может, хватит на меня гнать? – Влад злился.

– Не, не хватит! – самодовольно ответил голос. – Мало того, что я только начала, так ты еще и снисхождения не достоин.

– Достойн, не достоин, – проворчал Влад. – Кто ты есть? А самое главное где? Удавлю!

– Ладно, по пунктам. Я Нелли. Выгляжу, как маленькая беленькая собачка, которая сейчас возлежит на диванчике. А удавить ты себя можешь, полудурок! Я дух! Сущность энергетическая, совершенное существо во всем возможных смыслах. Вот решила к тебе на огонек заглянуть. Спор у меня возник, что нельзя мозги человеку отрастить. Вот ты у меня и будешь наглядным пособием. Или сдохнешь тут на коврике.

Влад нашел взглядом обозначенную собачку, которая очень нагло улыбалась во все свои маленькие зубки.

– Драсьте! – собачка кивнула головкой.

До Влада ситуация доходила через пень-колоду, потому как перед случившимся он несколько перебрал. Не так чтобы очень, но ощутимо. Он приставать начал еще в машине, а в доме быстренько освободился от одежды и начал бегать за Леночкой. А она что-то там говорила, но Влад не слушал.

И как результат:

– Нормально она приложила-то, – скривив губы, проговорил Влад, – от души, можно сказать.

– Ой, не о том ты думаешь, – проговорила Нелли, позевывая, – время утекает.

– А что я могу в этой ситуации сделать? – спросил у нее Влад. – Я даже ручку двери повернуть не могу.

– Ну, для особого случая я могу устроить для тебя один звонок. Телефон твой вон, на столике лежит. Один звонок, две минуты. Подумай, кому можно позвонить, чтобы приехали и тебя спасли.

– Да любому человеку из контактов, – ответил Влад, направляясь к телефону, – люди должны помогать друг другу!

– Так, то – люди, – Нелли опять показала зубы в улыбке, – а тебе кто захочет помочь? Тем более в таком антуражике. Сразу видно, что ты тут не пазлы собирал.

Влад задумался. Подчиненные отпадали сразу, деловые партнеры – тоже.

– А что я думаю? – он хлопнул себя по лбу. – Жене надо звонить! Она меня всякого повидала за двадцать-то последних лет!

– Ха! – вырвалось у Нелли. – Ты серьезно? Тут вся дача пропахла твоими похождениями!

– Не, нормально, – Влад махнул рукой, – мы с ней об этом договорились.

– Соня, ну что ты устраиваешь истерику на ровном месте? – возмущался Влад.

– Владик, ты о чем вообще говоришь? Ты себя хоть слы-

шишь? Тебя видели с какой-то в ресторане! И ты не просто ужинал, ты ее там целовал, а потом, тоже люди видели, ты с ней в туалете, как, не знаю, даже кто!

– Соня, мы же взрослые люди, – с досадой говорил Влад, – есть у человека потребности, он их удовлетворяет.

– Владик, – Соня расплакалась, потому что сдерживаться больше не было сил, – мы же перед алтарем клялись. И потом ты мне обещал, что всегда будешь мне верен. Мы же семья. А что теперь?

– Мы и сейчас семья, – ответил Влад, – а это так, для тонуса, для настроения.

– Владик, но это же предательство! – Соню начала бить дрожь обиды. – Ты нашу семью разрушаешь!

– Соня, успокойся! Ничего я не разрушаю! Я не собираюсь ни разводиться, ни уходить из семьи. Ну, сделаю я пару подарков этим лялькам, так я денег достаточно зарабатываю. Всем хватит.

– Почему ты опять все меряешь деньгами? Ты понимаешь, что ты меня этим своим поступком, как ножом в самое сердце?!

– Соня, да какое, на фиг, сердце? Я тебе говорю про физиологию! Мне на них плевать!

– А она не одна? – ужаснулась Соня.

– Да какая разница? Я не об этом. Люблю я только тебя! И всегда буду приходить только к тебе. Ну, и к детям, конечно.

– Владик, ты не понимаешь, теперь все будут знать, что

ты со мной живешь только из жалости или ради детей.

– И плевать!

– Может, тебе и на меня плевать? – Соню накрывали волны рыданий одна за одной.

– Сонечка, милая моя! Ну, перестань! Я люблю тебя! И не надо обращать на мнение посторонних людей. Что они понимают? У нас хорошая семья, дружная. А то, что у меня возникают потребности на стороне, так это как с ресторанами. Я же не только дома кушаю, но и в ресторанах. Просто удовлетворяю потребность. Никаких чувств!

– Ты можешь сравнивать такие вещи? – в глазах Сони появилось непонимание.

– Там физиологи, и там физиология. В чем вопрос?

– Я, наверное, не понимаю, но мне кажется, что это нельзя сравнивать, – проговорила она.

– Плюнь и разотри! – отмахнулся Влад. – Тебя больше огорчило, что это увидели люди? Вопросов нет, больше на людях такого не будет. Довольна?

Конечно, довольна Соня не была, но кивнула. Влад посчитал вопрос решенным.

– И ты посчитал это разрешением? – ухмыльнулась Нелли.

– Как бы, да, – проговорил Влад растерянно.

– Ну, предположим, – Нелли приняла сидячее положение, – Соня приезжает сюда. Видит всю эту картинку. Понимает, как тут процветает разврат. Находит тебя. А тебе оста-

лось-то. И?

– Вызывает скорую помощь, – ответил Влад.

– И уезжает обратно, ожидать скорбных новостей! – серьезно ответила Нелли. – Если женщина не выносит тебе мозг, это не значит, что она простила или прощает твои похождения. Звоним Соне?

– Не надо, – проговорил Влад и снова задумался.

– Тик-так, – скала Нелли, подгоняя мыслительные потуги.

– А если дочке позвонить? – предложил Влад.

– Гениально! – Нелли вскочила и сделала два оборота вокруг своей оси. – Только дочки тут и не хватало!

– Не, а чего? Ей уже семнадцать лет, понимает, что папа не одной мамой живет. Думаю, не откажется помочь.

– Я тут просмотрела дела твои грешные за жизнь веселую, – проговорила Нелли, усаживаясь на место, – не придет она. Даже трубку не возьмет, когда ты ей звонить будешь.

– Чего это? – удивился Влад. – Она же дочечка моя! Любименькая!

– Да? Seriously? А когда твоя любименькая дочечка у тебя попросила поговорить с нужными дядями, когда ей одного балла не хватило, чтобы в институт поступить, что ты ей сказал?

– Что учиться надо своей головой, – ответил Влад.

– Ага, и даже платное обучение дочке отказывался оплачивать, потому что Оленьке тогда машинку купил красненькую с лошадкой на капоте!

– Не возьмет, – кивнул Влад и снова погрузился в думы.

– Гражданин, ты там не уснул? – спросила Нелли.

– Да подожди ты, – отмахнулся Влад.

– Какие проблемы, – фыркнула Нелли, – у меня впереди вечность, это у тебя время к концу подходит. О чем хоть задумался?

– С семьей как-то нехорошо получилось, – проговорил Влад грустно, – с дочкой глупость вышла, чего мне стоило пару слов шепнуть, а с женой вообще засада. Мало того, что обидел, так потом, считай и добил. Не таился, не прятался от нее, а стоило бы. Тысячи мужиков брешут, когда изменяют. А некоторые жены вообще никогда ничего не узнают. Я же тоже так мог. А вот – нет. Каждый раз делал больно Соне.

– Хорошая мысль, – заметила Нелли, – только несвоевременная. Оно, конечно, зачтется, только у тебя есть еще шанс как минимум прощения у Сони попросить лично. А там по обстоятельствам.

– Не простит, – отмахнулся Влад.

– Не все такие свинки, как ты, – ответила Нелли, – она – простит! Если ты заново не начнешь. Думай, кому звонить будем!

– Слушай, а ведь у меня есть друг! Настоящий! Димка! – просиял Влад.

– «Если друг оказался вдруг...» – напела Нелли.

– Не, он нормальный мужик, – заверил Влад.

– А я не про него, а про тебя, – Нелли кашлянула: – «И не друг, и не враг, а так...»

– А я что?

– А Леночку, которая уже с деревом встретила, ты, где взял? – она подмигнула и улеглась.

– Димка, давай твою Ленку перед свадьбой на верность проверим? – предложил Влад. – Вдруг она слаба на передок, а ты с ней узами Гименея свяжешься? Потом позора не оберешься!

– Нет, Влад, не хочу, – ответил Дима. – Я ей верю, я ее люблю. А если ты и прав, то я этого знать тоже не хочу. А если случится, тогда и разбираться будем.

А когда, через две недели, Дима делал Лене предложение, Влад пустил на стену кадры из проектора, как он эту Лену сначала ужинает, потом танцует, а потом переходит к физкультуре интимного характера.

– Сволочь, – сказал Дима Владу, послал всех лесом, и Лену, в том числе, и ушел.

Появился через две недели, которые пил, и сказал Владу:

– Спасибо, что уберег от женитьбы на такой гадине. Долго думал, надо было или не надо. Но, лучше знать.

– Конфликт улажен? – спросил Влад.

– Да, – ответил Дима.

Только Влад Лену в покое не оставил, а просто записал в список одной из своих постоянных компаньенок. А хуже

всего было, когда Дима об этом узнал.

– Ты не на верность ее проверил, ты у меня невесту от алтаря увел! – кричал Дима на Влада.

– Ну, все! Все! – отмахивался Влад от нападков и кулаков. – Что случилось, то случилось! Забудь! Неужели мы позволим бабе встать между мужиками? Дружбу разрушим из-за юбки?

– Думаешь, придет? – хитро спросила Нелли.

– Придет, – уверенно сказал Влад, – мы после этого нормально общались.

– Готова поспорить на деньги, что он придет, попинает тебя еще немного, а потом подождет, когда ты дух испустишь, и вот только тогда будет звонить в скорую.

– Из-за бабы? – удивился Влад.

– А ты не знал, что Лена хотела сегодня с тобой расстаться раз и навсегда? – спросила Нелли. – Они ведь помирились. Он простил ее.

– Я не знал, – ответил Влад.

– Она тебе говорила, а ты и слушать не хотел! Естественном потрясал, утех требовал. За то вазой и получил.

Влад молчал минут двадцать, а потом обратился к Нелли:

– Ты сказала, что Ленка в аварию попала.

– Угу, – кивнула Нелли.

– А ты можешь мой этот звонок сделать так, чтобы кто-то позвонил Диме и сказал, где Лена? Чтобы он ее нашел, ну

и так далее.

Нелли повернула голову набок от удивления:

– Ничего так поворотик! Я могу, а тебе что, жить расхотелось?

– Нет, не расхотелось, – бросил он, – просто если выбирать, то ее любят, а мне даже позвонить некому. Что есть, что нет. Даже если нет, так еще и лучше.

– Выбор?

– Выбор, – кивнул Влад и все исчезло.

– Владик, милый! Как ты себя чувствуешь? – Соня хлопотала возле кровати мужа в больничной палате.

– Где я? – простонал он.

– В больнице! Тебя нашел сосед по даче. Сказал, что ты приехал один с пачкой бумаг, видимо, по работе. Ну, он решил заглянуть на сто грамм. А ты на полу с разбитой головой и какие-то бандиты в окно выскакивают.

– Бандиты?

– Или воры, – исправилась Соня. – Сосед сказал, что сейчас многие дачи вскрывают. А если хозяева дома, то их того...

– А больше он ничего не говорил? – спросил Влад, намекая на то, что он туда баб возит.

– Нет, сказал, что ты постоянно на выходные приезжаешь с документами и всегда один. Я думала, что ты, – она смутилась, – а ты работал.

– Кхе, – закашлялся Влад, а про себя подумал:

«Надо соседу ящик поставить! Грамотный мужик!»

Соня взяла с тумбочки стакан воды, чтобы напоить мужа, а в это время ее халат распахнулся, а под ним: – Соня, а что это на тебе? Под халатом! – Влада начал бить озноб.

– Это? – Соня распахнула полы халата. – Я свитер купила. Такой милый. Тут собачка белая, а когда двигаешься, похоже, будто она подмигивает! Такая забавная собачка!

Законом можно пренебречь

– Валик, Валик, – нежно проговорила Света, – валенок ты мой!

– Света, это не женщина, а бульдозер какой-то, – смущенно улыбался Валентин, – она как начала говорить, мне даже страшно стало! Как она уроки ведет? Как таких вообще к детям пускают?

– Да, сходил папа на родительское собрание, – Света покачала головой, – ты хоть сказал, что дочку нашу обижают одноклассники?

– Сказать-то я сказал, правда, уже после собрания. Ну, когда ушли все. А она с меня еще тысячу вынула на нужды класса.

– Мы уже сдавали в этом месяце, – Света безвольно опустила руки, – ладно. Отдал и отдал. Что она сказала по поводу Ани?

– А я не понял, – Валентин почесал голову, – начала говорить про общемировые тенденции, какие-то лидерские качества, возвращение какого-то ЧСВ за счет угнетения посредственностей. Еще что-то.

– Понятно, – Света махнула рукой, – послала она тебя лесом и в болото, только умно и грамотно.

– Вот это я понял, – Валентин робко улыбнулся.

– Ладно, сама к ней схожу, проверь у Ани математику, и приходите ужинать.

– Долго ты еще собираешься со своим хомяком возиться? – высокомерно спросила Алина. – Поиграться с ним, конечно, интересно, он и тапочки принесет, и рот открывать не будет, когда не надо. Но у вас уже дочке тринадцать лет! Сколько можно уже?

– Алина, мы, как бы, семья. Какие претензии? – не поняла наезда Света.

– Вот именно! Как бы! Все, что я от тебя слышала о твоём Валике – это тысяча и одно несчастье, в которое он вляпался. Картошку чистил, палец порезал, шторы вешал, с табуретки упал, за покупками пошел, карточку на кассе забыл. Недоразумение – вот его второе имя!

– Алина, а тебя каким боком это касается? Мы с тобой подруги, но я в твою личную жизнь не лезу, – Света пыталась осадить подругу, – вот и ты в мою не лезь.

– Да тебя просто, дуреху такую, жалко! Живешь с этим хомяком облезлым, а вокруг такие львы ходят! И на тебя, нет-нет, да и поглядывают! Ты ж еще очень даже! Тебя подкрасить, подштукатурить, и будет еще очень даже привлекательная особа!

Света проглотила, что ее сравнили с недостроем, но в долгу не осталась:

– А не про тех ли ты львов говоришь, после расставания

с которыми, ты и в дождь и на солнце в темных очках в поллица ходила?

Алина поперхнулась, демонстративно кашлянула:

– Зато характер увидела! Силу мужскую!

– И как только заплывшим глазом все это рассмотрела?! –

Света рассмеялась.

– Опыт! – скривившись, ответила Алина.

– А я таких опытов не хочу! – ответила Света. – Битой не была, и становиться не собираюсь. А ругани мне и на работе хватает. А дома я хочу тишины и покоя!

– Так ты и дома все на тебе тянешь, как лошадь! Где покой? Вечный, что ли?

– Сплюнь! Ты просто не понимаешь, что такое семейный уют! Вот остепенишься когда-нибудь, – а Алина пребывала в вечном поиске своего идеала, – тогда и сможешь оценить прелесть домашнего пледа, горячего чая и компании родного человека!

– Тоска смертная! Ты рассуждаешь, как бабка восьмидесятилетняя!

– А ты, как девочка -подросток!

– Дать бы тебе по твоему ненапудренному носу, да свежим маникюром не хочу рисковать! – Алина демонстративно отвернулась.

– Набралась уже повадок у своих львов? – хихикнула Света. – Чуть что, сразу в нос! Смотри, Алинка, в нос, в глаз, а потом будешь только на стоматологию работать!

– Ты меня уморил! – ухохатывался Дима. – Что в школе ты от учителей под партой прятался, что сейчас до дрожи в коленках боишься!

– Это ты ее не видел просто, – улыбался Валентин, – грозная, серьезная, агрессивная!

– У тебя и таракан злобный, серьезный и агрессивный, – вытирая слезы и успокаиваясь, проговорил Дима. – Валик, ты же нормальный мужик. Должен быть. В самом деле, смешно. Где в тебе стержень? Характер?

– Вот и мне интересно, – вздохнул Валентин.

– Ты же не мальчик уже, а глава семейства! У тебя жена, дочь! Сам понимать должен, что они от тебя зависят, на тебя надеются. А тут такой прекрасный, мягкий и розовый ты!

– Аня еще маленькая, – проговорил Валентин, – а Света, кажется, уже ничего от меня не ждет.

– Портишь хорошему человеку жизнь, – заключил Дима.

– Вот бы знать, где эти стержни с характерами продаются, я бы купил, – мечтательно проговорил Валентин.

– Нет, мой дорогой, это не товар, а плод длительного труда на почве самовоспитания!

– Беда... – проговорил Валентин, потому что у него силы воли отродясь не было.

– Я думаю, тебе поможет злость, – сказал Дима. – Отличный мотиватор. От злости иной раз и стержень прорезается, и характер вырисовывается.

– И на кого ты предлагаешь мне злиться? – спросил Валентин.

– А на себя! Вот ты какой, вялый и никчемный! Жене жизнь портишь, дочке от тебя никакой помощи и защиты. А ты отец! Вот и какой ты отец? А ведь можешь быть лучше! Разозлись!

Валентин сидел, как мешком приголубленный. Слова друга ранили, но обижаться не получалось. По делу. Четко, конкретно.

– Ты только сильно не загоняйся, – предупредил Дима, – чтобы обратного эффекта не было. А то ударишься в самобичевание, тогда тебя уже ничто не спасет!

Вспышка невыносимой боли исчезла так же внезапно, как и появилась. Валентин стоял над собственным телом, наполовину торчащим из-под машины. А рядом с ним стоял, схватившийся за голову водитель. Собирались зеваки.

– Зеленый был на светофоре, – лепетал водитель в состоянии шока, – я и ехал спокойно. А он как выскочит. И прямо в слепую зону. Господи! Что же теперь будет?

– Твою же ты мать! – с досадой воскликнул Валентин, правда, его никто не услышал. – Сколько мне раз Света говорила, смотри по сторонам! Только же решил менять жизнь, и такое! Судьба? Закон подлости?

Обидно было до слез. И Валентин расплакался бы, только душам это не позволительно. Функции такой нет.

А вот горечь и обида – это, пожалуйста, и сколько угодно.

– Только, понимаешь, решил стать нормальным отцом и мужем... – мысль он не закончил. – Как же они теперь без меня? Светочка!

Перенос произошел практически мгновенно, и оказался он в конторе его жены.

– Света! – орал мужик, чем-то внешне напоминающий самого Валентина. – Эти документы были нужны еще вчера! Что ты валандаешься на ровном месте, как камбала на сковороде?

– Григорий Петрович, я Катерине помогала с отчетом, – оправдывалась Света.

– Мне теперь в любезностях рассыпаться? Ты к ней представлена помощницей! Между прочим, тебе оказано высочайшее доверие, помогать двоюродной сестре начальника! Ценить должна, доверие-то!

– Я ценю, ценю, – прошептала Света.

– Вот и цени, – ткнул пальцем в плечо Свете Григорий Петрович, – но и свои обязанности ты должна исполнять! Или ты себя элитой почувствовала, когда тебе начальственных родственников доверили? Так я тебя с небес на землю-то опущу!

– Я скоро все сделаю, – пообещала Света.

– В темпе! – крикнул Григорий Петрович и направился в свой кабинет.

Света прикрыла рот ладонью, сдерживая слезы. Но со сто-

роны было видно, что ее колотит дрожь.

– Светка, – подошла Катерина, – мне, короче, свалить надо. Так ты там за меня потусуйся! На телефон ответь, входящие обработай. Ну, ты знаешь.

– Хорошо, – кивнула Света.

– Давай только, чтобы там у меня хвостов на завтра не оставалось, а то я завтра, скорее всего, задержусь. Ну, и утром меня прикроешь.

Света лишь кивнула и побежала в туалет. Закрылась в кабинке и расплакалась. Горько, но беззвучно.

– Светочка моя! – Валентин стоял рядом и гладил ее по волосам.

Ни он не чувствовал прикосновений, ни она. Но этот жест нежности вырвался у него чисто механически. Неосознанно.

– Что же ты, милая моя, не говорила, как у тебя тут? Ни разу и словом не обмолвилась. Не пожаловалась. Такое скотство.

А подумав, Валентин понял, что, даже если бы она пожаловалась, то что бы он сделал? Вот, что? Покивал головой? А надо было начальнику физию разбить. А он бы не разбил.

– Милая моя, Светочка! А теперь тебе и пожаловаться будет некому...

– Светка, хватит там прятаться! – крикнул кто-то, заглянув в туалет. – На Катькином столе телефон уже раскалился!

– Иду! – крикнула Света, вытирая слезы.

– Господи, да у них тут серпентарий! И ни слова... – Валентин проводил Свету взглядом, когда та выходила из туалета. Сгорбленная, поникшая, униженная.

Валентину очень не хватало слез.

– Я и Анечку, доченьку свою, так и не защитил.

Мгновенный перенос в тот класс, где он дрожал, стоя перед учительницей.

Анечка сидела под партой, а вокруг нее коршунами вились одноклассники и выкрикивали:

– Куда это наша курочка спряталась? В курятничек? А чего же ты не кудахчешь? Зернышек тебе подсыпать?

И какой-то мальчик кинул в нее жменю семечек.

– Или тебе червячков накопать надо? Конечно! Червячки – это мясо! Ты же тощая как глиста!

– Так она не курица облезлая, а глист, который из...

Класс потонул в издевательском смехе. И только Аня тихо плакала под партой.

– Девочка моя! – Валентин присел рядом с ней на корточках. – Я учительницы испугался, а ты из-за этого такое тут терпишь! Бедная моя, Анечка!

Как там Дима говорил? Разозлиться? Нет, Валентин не разозлился. Он был в ярости! Ярость, которая перешагнула за все грани безумия!

Валентин переносился от Светы к Ане, мечась, как волк

в капкане. То понукания в адрес жены, то злые слова в адрес дочери. Снова Света плачет в туалете, Аня бежит по коридору, размазывая слезы по лицу. Света спотыкается, бегая между своим столом и столом Катерины. Аня прячется в раздевалке под курткой. Кричат на Свету, требуя документы, которые Катерина куда-то убрала. Дети бросаются в Аню портфелями, а та лишь прикрывается своим.

Ярость, крик, злость! И множенное стократ из-за бессилия что-то изменить.

– Воу-воу! Притормози! В глазах рябит уже!

Валентин завис в непонятном где-то.

– Так-то лучше. Что ты тут устроил, болезный? Не понял, что ли, помер ты! Вали уже куда-нибудь, куда тебя высший суд определит.

– Нет! – крикнул Валентин.

– Что, значит, нет?

Перед самым носом Валентина материализовалась беленькая собачка. Одарила взглядом презрения и врезала лапой по лицу.

– Успокойся, истеричка!

Пощечина от собачки немного отрезвила.

– Готов поговорить? – спросила собачка. – Или еще задней врезать?

– Спасибо, не надо. А ты кто?

– Я – категорически недовольный твоими метаниями дух,

а зовут меня Нелли.

– Валентин, – он представился.

– Вот ты мне скажи, с какой блохи ты перебаламутил весь астрал? А еще ревешь, как потерпевший!

– Там! – выкрикнул Валентин. – Там такое, а я! Я! Надо вмешаться! А оно никак! Надо было раньше! А я не знал. Не мог. Но надо, ведь...

Его запал угасал на глазах. Правда, информативностью его речи не блистали.

– Неупокоенышь, значит, – протянула Нелли, – а еще с чувством невыполненного долга. Как я понимаю, по доброй воле успокаиваться ты не хочешь, и отбывать в положенные чертоги отказываешься?

– Да! – ярость опять полыхнула в сознании Валентина. – Я хочу защитить свою семью! А еще отомстить!

Спеленать неуспокоенную душу и отправить по месту назначения для Нелли труда не составило бы. Рядовое явление. Но прозвучало волшебное слово, которое Нелли очень любила, и всеми лапами была «ЗА». И слово это – месть!

Она, конечно, дух добрый, но справедливость, как бы, ей ближе.

– Валентин, – проговорила Нелли заинтересованно, – а месть твоя праведная?

Валентин рассказал подробно, что было с ним в жизни. А еще рассказал, что самое важное узнал уже после жизни. И вот оставить он это все просто так не мог. Права морального

не имел.

– Валентин, – в глазках Нелли вспыхнули зловещие огоньки, – а как ты отнесешься к некоторым нарушениям правил?

Лукавство прямо из-под шерсти пробивалось.

– Если это поможет мне отомстить, то мне плевать на все законы. Даже если меня потом накажут, я готов ко всему. Но я должен защитить своих родных людей!

– Это я и хотела услышать!

Незнакомый стол, незнакомый кабинет, незнакомое тело. Валентин повернул голову в сторону зеркального шкафа. А вот лицо было знакомо.

– Григорий Петрович, здравствуйте! – отражение улыбнулось.

Первым желанием было как-то навредить телу начальника жены.

– Стой, мститель! – рявкнула Нелли, появившись перед ним на столе, когда Валентин схватился за нож для вскрытия писем. – Про одержимость демонами ты хоть что-то слышал?

– Отдаленно, – проговорил Валентин.

– Демон подселается в человека и может его оставить, а ты ни разу не демон. Поэтому твоя душа заместила душу Григория Петровича. Его уже нет. Пал жертвой моих прекрасных лапок. Ему, считай, отомстили. А вот его тело, это твой инструмент для всего остального!

– А потом? – спросил Валентин.

– А какая разница? – удивилась Нелли. – Так останется. Мало что ли тел без души ходит? Одним больше, одним меньше, – она махнула лапкой. – Ну, мсти! – и рассеялась.

– Ну, я сейчас намстю! Э-э... Намщу! Мстить буду!

Он взял мобильный телефон Григория Петровича, нашел телефон сестры Кати и нажал вызов:

– Катенька! Сестричка, – начал он спокойно и с улыбкой, но сразу перешел на крик: – где ты ходишь, мать твою! В каком ресторане? А работать за тебя негры будут? Что, Света тебя прикроет? А вот и нет! У тебя три минуты, чтобы оказаться на рабочем месте! Не успеешь? Тогда ты уволена по статье за прогул! Можешь даже не приходить! Трудовую тебе пришлют по почте!

Последовала пауза, когда Валентин слушал визги и крики из трубки.

– Да мне плевать, что ты сестра! Таких сестер в проруби топить надо! Что ты, что мать твоя, привыкли на чужом горбу кататься! Забудь и меня и мой номер телефона!

Трубка полетела в стену и рассыпалась на множество осколков. На шум заглянула секретарша.

– Вызывали, Григорий Петрович?

– Да! Пиши. Катьку уволить по статье за прогулы, ну, и подбери такие формулировки, чтобы ее даже дворником на работу не взяли. Дальше. Премию в размере пяти окладов Светлане. Она у нас одна. И приказ о повышении на нее же. Заместитель по общим вопросам.

– Кого заместитель? – секретарша была в шоке.

– Директора! – ответил Валентин.

Если на месте нынешнего директора будет бездуховное тело, то оно навредить Свете уже не сможет. Так она сама возьмет бразды правления. Нормально будет.

– Машину вызови, – сказал он секретарше, – у меня еще дела.

Школу и класс Валентин знал, а вот как малолеток урезонить – нет. Если он, здоровый лоб, будет их сейчас метелить, то Света останется без начальника вовсе, а значит, работу потеряет.

– Дядь, денег дай! – обратился к Валентину рослый школьник, хулиганистого вида.

Валентин рефлексивно достал бумажник и удивился толстой стопочке пятитысячных купюр.

– А хочешь нормально заработать? – спросил Валентин.

– Грузчиком не пойду, – ответил парень.

– Ты Аню Скворцову из этого класса знаешь? – спросил Валентин, игнорируя замечание парня.

– Ну, знаю. Нормальная девчонка, симпатичная. Зашуганная только. Гнобят ее почему зря. А так-то она ровная.

– А звать тебя как?

– Дима.

– Послушай меня, Дима. Я смотрю, ты тут в авторитетах ходишь.

– Ну, есть такое дело, – он криво улыбнулся.

– Я тебе дам пачку денег, – Валентин выгреб наличность из кошелька, – а ты за нее вступишь и под опеку возьмешь. А если на нее наезд будет, то ты со своими ребятами там все порешаешь.

– Оно, конечно, нормально, – Дима оценил пачку бумажек, – а если кину?

Нелли обучила Валентина одному фокусу для пущей убедительности. Валентин посмотрел на Диму, а в глазах его играли языки пламени:

– Тогда с тобой разговор будет совсем в другом месте!

– Начальник, все будет в лучшем виде, – Дима забрал деньги и по-хозяйски вошел в класс, где разворачивалась очередная серия травли над Аней. – А ну, все ша!

Через минуты выскочила Аня с удивлением на лице, а в классе началась гвалт, сопровождающийся криками Димы и визгом всех остальных.

Дело сделано. Валентин вышел на улицу.

– Давайте ваше наказание! – сказал он, подняв лицо к небу.

Нелли появилась рядом с ним и твякнула, привлекая внимание:

– Звяняй, накладочка вышла, – сказала она, водя лапкой по земле, – в качестве наказания тебя оставили в этом теле, пока оно не прекратит свое существование.

– А что мне теперь делать? – опешил Валентин.

– Живи, – просто ответила Нелли. – Кто-то сверху тебе благоволит. Можешь рассказать им, жене и дочке, что случилось и кто ты есть. Думаю, тебе и это простят.

– А как? – спросил Валентин.

– А это уже сам! – Нелли растаяла в воздухе, а ее хихиканье еще какое-то время звучало в ушах Валентина.

Наказана, но не сломлена

– За систематическое нарушение законов мироздания, за неисполнение предписаний и рекомендаций, за ненадлежащее следование букве процедуры...

Глашатай был прерван самым наглым образом:

– За то, что на свет родилась, куска не доедала, глотка не допивала, солнца не видала, – язвила Нелли.

– ... За недопустимое бескультурье в общении с контингентом...

– У вас эту штуку, – она указала на угловатую статую глашатая, – заело, вроде...

Из облачных переливов сбоку выступило Великое Страшное начальство:

– Угомонись хоть на минуту! – шикнуло оно в сторону Нелли.

– И ты, Брут? Э-э... В смысле, брат! Брат! А тебя тоже судят? Да? – Нелли изобразила интерес на мордочке. – А за что?

– Тихо ты! – Великое и Страшное пригрозило пальцем. – Я из наблюдательного совета!

– Ты наблюдаешь, какой тут происходит беспредел? Откровенно, судебный произвол! Меня судят! За что? Я не сделала ничего плохого!

– Тебе битый час объясняют, где ты была не права! – прошипело Великое начальство, кивая в сторону Глашатая.

– Да его с тремя толмачами не разберешь, – отмахнулась Нелли, – мя-бя, через два слова третье еле поймешь.

– За излишнюю самоуверенность и свободную трактовку прилагаемых рекомендаций Подсудимая Нелли приговаривается, – последовала многозначительная пауза.

Только боя барабанного не хватало.

– Давай-давай! – выкрикнула Нелли, вырывая клоч шерсти у себя на груди. – Стреляй, вертухай! Но помни! На мое место придет другой!

И она повалилась на спину, подставив для обозрения розовый животик.

– Нелли, – устало проговорило Великое Страшное начальство, – прекрати этот спектакль. Расстреливать тебя никто не собирается. Просто наказать, чтобы наперед знала. А как наказать, если тебе, конечно, интересно, сейчас услышишь, если перестанешь валяться по полу!

– Ссылкой на подведомственную территорию в резервный биологический организм на шесть месяцев местного времени без права посещения астрала и эксплуатации сверхъестественных сил! Приговор привести в исполнение незамедлительно! Обжалованию и оспариванию не подлежит!

– Э-Э!!! – закричала Нелли. – Вы там все с ума посходили? Какая к ёжикам ссылка? Расстрел, так расстрел, это я еще как-нибудь переживу! А полгода тусоваться в мясе без

полетов и активной работы, я загнусь, как березка на картине Васнецова!

– ДА БУДЕТ ТАК! – прогремело откуда-то сверху, и наступила темнота.

Выкинули Нелли не в чисто поле, конечно, но и во дворах ей место не нашлось. Резервным телом оказалось тело молодой девушки, которая по легенде жила отшельницей в частном доме в черте крупного города.

Без использования, тело жило по своей программе стандартного бездуховного существа. Что-то делало, куда-то ходило. В большинстве случаев сидело в доме перед телевизором.

А для функционирования, нельзя ЭТО назвать жизнью, от какого-то фонда ей ежемесячно капало содержание – пенсия геройски погибших родителей.

Легенда – так себе, но никому не было дела.

Теперь в теле этой девушки поселилась...

– Временно!

... Нелли. И понятия не имела, что ей делать дальше.

– Сколько можно скулить? – спросила Нелли у девушки на соседней скамейке.

– Извините, я не хотела вам мешать, – вытирая слезы, ответила девушка.

– Нет, ты мне не мешаешь, – Нелли махнула рукой, – я

из академического интереса любопытствую. Ты сидишь уже час. Час! И все время ноешь! Мне бы минут за пятнадцать надоело это глупое занятие, а у тебя, прямо, титаническая заикленность. Тебе делать нечего?

– Меня парень не любит, – проговорила девушка и снова начала плакать.

– И что?

– А я его люблю!

– И в чем проблема?

– Я хочу с ним быть, а он не хочет!

– Признайся честно, я никому не скажу, ты прибабахнутая? – с надеждой спросила Нелли.

– Я нормальная! – с вызовом ответила девушка.

– И чего ты тогда реवेशь? Пойди и завоюй своего рыцаря в ржавых доспехах! Тоже мне проблему нашла, мужика захомутать!

Нелли демонстративно отвернулась:

– Понапридумывают себе проблем, потом огорчаются, что они появились, потом горюют. А потом – «Спасите! Помогите!» Или хуже того: «Прощай, белый свет! Мы не поняли друг друга!»

– Простите, – девушка подсела к Нелли, – вы так рассуждаете, будто знаете ответы на все вопросы. Вы, наверное, такая умная...

– Я умная? – Нелли повернулась к девушке, округлив глаза от удивления. – Как ты смеешь меня так оскорблять?! Я

мудрая! Прекрасная! Незаменимая! Самая знающая и понимающая! И все вот это надо говорить шепотом и с раболепием!

– А я просто Лиза, – ошалев от напора, ответила девушка.

– Я – Нелли! – она хотела гавкнуть, но вовремя вспомнила, что в теле человека. – Твою мать!

– А вы можете подсказать, как сделать так, чтобы Костя за мной бегал? – с надеждой в голосе спросила Лиза.

– Оно тебе надо? – в ответ спросила Нелли. – Этот хомячок уже нос от тебя отвернул. Уже это говорит о том, что он свинтус еще тот.

– Так у нас еще и не было ничего, – призналась Лиза, – мы только погуляли пару раз. А я взяла и призналась, что люблю. А он сразу такой высокомерный стал, холодный.

– Детский сад, ясельная группа! – Нелли покачала головой. – А горшками вы не мерились?

– А надо? – ужаснулась Лиза.

– Нет. Это я образно.

Нелли замолчала.

То, что она поможет этой девочке, решение было уже принято. Хоть какое-то дело. Ну, или развлечение.

Когда к твоим услугам бесконечность вселенной, перекрестные временные и вероятностные потоки, миллиарды историй, жизней и судеб, куда можно засунуть свой любопытный нос – это одно. И совсем другое вынужденное без-

делье на целых полгода, когда из развлечений долбаный телевизор и ты сама!

– Вот прямо сейчас ему позвони и скажи, – строго сказала Нелли, – Я подумала, мы разные люди. Я погорячилась в своем решении. Я освобождаю тебя от своей симпатии. Прощай!

– Так и сказать? – удивилась Лиза.

– Ага! – кивнула Нелли. – Он сразу начнет тебе перезванивать. А потом на свиданку позовет. А потом еще увиваться за тобой будет. Но я бы на твоём месте просто приняла ухаживания, а потом послала бы его лесом.

– Почему?

– Он уже зарекомендовал себя не с лучшей стороны. Если ты с ним свяжешь свою жизнь, где-нибудь потом эта гниль вылезет. Разбирайся потом, думай, что делать... Лучше сразу не связываться.

– Так звонить или не надо? – не поняла Лиза.

– Позвони, конечно! – уверенно ткнув в телефон пальцем, сказала Нелли. – Собственное самолюбие нельзя оставлять голодным!

Лиза отошла на пару метров и позвонила. Быстро сказала, как было велено, и вернулась к Нелли, показывая телефон:

– Он звонит! Уже четыре пропущенных! Сообщение прислал! Встречи просит!

Лиза сияла счастьем.

– Работает профессионал! – Нелли расправила плечи. – Я тут в сквере часто загораю, подходи, побеседуем. Успехами поделишься!

Лиза появилась только через неделю. Правда, довольная, как три слона после купания.

– Нелли, вы волшебница! Костя за мной на коленях с цветами в зубах по проспекту ползал! Новое свидание выпрашивал!

– Когда ужом поползет, можно и согласиться, – довольно хмыкнула Нелли. – А это кто? – Нелли кивнула на Лизину подружку.

– Это Ксения. Она соседка моя. От нее муж гулять начал, может, вы и ей что-нибудь посоветуете?

– И давно ты замужем? – без предисловий и знакомств, спросила Нелли.

– Три года, – ответила Ксения. – Все нормально было, а тут я нашла у него в кармане пиджака... Белье, в общем.

– Красивое, наверное, кружевное? – спросила Нелли, поигрывая бровями.

– Да, – убитым голосом подтвердила Ксения.

– Почему я не удивлена? – спросила Нелли безадресно. – А скажи мне, Ксюша, в твоём доме хоть одно зеркало сохранилось или все потрескались, когда тебя отражали?

– Лиза, ты говорила, она нормальная! – вскрикнула Ксения.

– Рот закрой и слушай! – одернула ее Лиза. – Нелли в сто раз нормальной любого психолога! Она тебе правду скажет, а психологи только деньги брать горазды!

– Я умоюсь слезами умиления! – проговорила Нелли с улыбкой. – Если не смена, то умная женщина у нас тут растет! Приятно, хвост возьми!

Девушки замолчали.

– Так что там с зеркалами? – повторила вопрос Нелли.

– Все нормально, – растерянно ответила Ксения, – есть зеркала.

– Может, ты слепая? – выясняла Нелли.

Ксения рванулась, чтобы ответить или уйти, но Лиза ее осадила:

– Заткнись и стой!

– А чего это заткнись, – сказала Нелли, – пусть скажет, как она себя до такого состояния довела? Скажи нам, в каком журнале о семье и браке ты вычитала, что лучшая жена – это безобразная серая мышь?

– У нас семья! – поскрипывая зубами начала говорить Ксения. – У нас любовь! Он работает, я веду хозяйство. Правда, я тоже работаю. Он меня всякую любит. Любил...

– Дошло? – спросила Нелли.

– Лучше объясните, – попросила Ксения.

– Ладно, – кивнула Нелли. – Мужики – те же дети. За яркую упаковку душу продадут и не задумаются. Понятно, он на сторону смотреть начал, когда его дома приветствует не

та, прекрасная и неповторимая, которую он когда-то любил, а вот это вот все в засаленном халате и в бигуди. Чтобы такое любить, нужно быть еще тем извращенцем.

– Да, когда мне за собой ухаживать? – спросила Ксения. – Работа, дом. Я еще детей хочу! Ему же королеву выставить надо в красных стрингах!

– Э-э, нет! – Нелли погрозила пальцем. – Королев в стрингах он пусть на панели собирает, а ты себя просто в нормальный вид приведи, чтобы себе в зеркале нравится, а потом поставь вопрос ребром. Или семья, тогда никаких леваков, или пошел лесополосой до самого болота! Уважать себя в первую очередь надо, а не подстраиваться под кого-то!

Уходили подружки в молчании, а Нелли была собой категорически довольна.

– Я сама по себе – мудрость и сила! И помогать я не перестану, ссылайте – не ссылайте!

Через три недели Нелли уже вела прием на дому. Столпотворение хохочущих женщин и девушек очень нервировало полицию.

– Помните всегда, – вещала Нелли, восседая перед группой в огромном кресле, – поступать нужно всегда правильно! Никогда не делайте того, за что вам будет стыдно! Закон высшей справедливости отменять ради вас никто не будет! Любой проступок потом выльется в ответное действие! И вам оно, по себе могу сказать, не понравится. И вот только

от вас зависит, как вы это сможете пережить! А переживут не многие! Так что, лучше сразу все делать по чести и по совести!

Это было что-то вроде мантры. А потом переходили к частным вопросам, советам, инструкциям.

Забавно было наблюдать, как приходили люди с проблемами, а выходили окрыленными и счастливыми.

Нелли для каждого находила нужные слова и давала правильные действенные советы.

А люди шли! Толпами. И не только девушки, но и парни, мужчины, даже пенсионеры навевывались, чтобы решать вопросы с ретивыми детками.

– Лиза, – позвала Нелли, – веди группу, у меня персональный посетитель!

Лиза, та самая первая жертва помощи Нелли в начале ссылки, стала первой помощницей. Она впитала философию мудрости наставницы и сама уже могла давать правильные советы и понимала, где корни проблем.

– Нелли, у тебя совести вообще нет, – сказало Высокое Страшное начальство.

Это именно оно снизошло до воплощения, чтобы посетить клуб по интересам имени Нелли.

– А чего сразу совесть? – возмутилась Нелли. – Вы меня сослали, сил лишили, астрал закрыли. А мне тут что, со скуки помирать? Люди-то, которым помощь нужна, никуда не

делись! Это у вас там игры в законы и порядки, а я полевой агент! Рабочий дух! У меня предназначение – учинять добро! Так что, извините, я по профилю, а вы хоть удавитесь!

– Тебя воспитывать, только портить, – проворчало Высокое и Страшное, – но ты хоть понимаешь, что ты засветила резервную оболочку? Вот как теперь манипуляции в мире живых производить?

– Вот только не надо мне тут про козу и лебедей! – сморщилась Нелли. – Как вам приперло, так вот и тело нашлось, и ко мне приперлось! Бездушных по городу ходит, считать за бадаешь! Любого бери, легенду рисуй и используй по назначению!

– Но это тело придется ликвидировать, – сообщило начальство, – а тут клуб еще...

– Так! – строго рыкнула Нелли, хоть и в образе человека. – Дело мое не трожь! Лизка его вытянет! А тело, если так надо, пусть уедет в бесконечную командировку! Агась?

– О какой совести я спрашиваю? – спросила начальство, видимо, у себя. – Нелли, у тебя пять минут, закругляйся тут и полетели. Ссылка твоя отменяется, работы на самом деле много.

– Сча! – Нелли вылетела в общий зал, где занималась группа. – Люди! Меня призывают на великие дела! За меня остается Лиза! Не подведи меня, а то мало не покажется! И. – короткая пауза: – Да, будьте вы счастливы!

Пустой человек

– Ну, хочешь, мы тебя сами у твоей жены отпросим? – предложил Коля под дружный хохот.

– Не хочу, – ответил Петр.

– Сам тогда отпросись! Пока технику на другой объект перегонят, нам четыре дня дали. Самое то, на Мишкину дачу съехать! Там речка, лес. Рыбалка!

– Не хочу я на рыбалку, – ответил спокойно Петр.

– Петька, ты чего? – недоумевал Олег. – Зорьку отсидим, рыбку половим, ушицы наварим! Красота же!

– Да не хочу я, – отмахнулся Петр и вышел из бытовки.

– Поломался наш приятель, – грустно проговорил Коля. – Рыбалку он не хочет, на прошлой неделе отказался в баню идти, после работы домой бежит.

– Да не поломался он, а под Маринку лег, – сказал Миша. – То ли она его перепилила, то ли заклевала до потери мужской самосознательности.

– И то верно, – кивнул Коля, – раньше он улыбался, шутил. А теперь ходит, как мешком ударенный.

– Ладно вам на мужика гнать, – встал на защиту Олег, – может к нему старость подкралась?

– В сорок три года? – удивился Миша. – Побойся Бога! Считай, вторая молодость!

– Тебе хорошо говорить, – заметил Коля, – ты пять лет назад развелся. А у него семья!

– Я и говорю, – настаивал Миша, – подкаблучник и есть! Вот какой мужик в здравом уме откажется от бани или рыбалки? А месяц назад, помните? В спорт-бар не пошел! Футбол ему смотреть стало неинтересно. А потом только выяснилось, что он с женой к теще ездил. Какие вам нужны доказательства?

– Теперь его и помочь не попросишь, – посетовал Коля, – бутылкой не считаешься.

– Ты тоже заметил, что он ни-ни? – заметил Олег.

– Эх, Петя-Петя, – горестно кивнул Миша головой, – сгубила тебя жизнь семейная. И держался ты долго, и сопротивлялся, а все равно полег! Вот потому-то я и развелся!

– Марина, я дома! – сказал Петр из прихожей.

– Опять с мужиками в баре сидели? – недовольно крикнула она с кухни.

– Нет, – спокойно ответил он, войдя к жене, – на другой объект нас перекидывают, помогал со сборами.

– А-а, тогда ладно, – ответила Марина и поцеловала Петра в щеку, принюхиваясь.

«Не пил», – удостоверилась она.

– Слушай, Петя, моей коллеге мебель привезли. Вальке. Она просила, чтобы ты помог собрать.

– Хорошо, – ответил Петр флегматично, – передай, что я

завтра с утра к ней приеду. Только в гараж зайду за инструментом.

– Вот и замечательно, – Марина обрадовалась.

Думала, что уговаривать придется.

Ужинали в тишине. Петя даже телевизор на кухне выключил:

– Ну, его!

А после ужина Марина начала рассказывать мужу об успехах детей:

– Витькину курсовую сам ректор хвалил! Говорил, что большой специалист будет!

– Хорошо, – ответил Петр, смотря в телевизор.

– Ты был прав, что тогда его в кружок робототехники пристроил!

– Угу.

– А Светочка на золотую медаль идет! А ты говорил, зачем с ней уроки делать? Я-то уже и не помню ничего, а ты-то у нас – голова!

– Угу, – кивнул Петр. – Марин, пойду в гараж схожу, на завтра инструмент подготовлю, – внезапно сказал он, оборвав речь супруги.

– Ну, сходи, – растерялась Марина, – я Вальке позвоню, скажу, что ты с самого утра приедешь.

– Угу, – кивнул Петр и пошел одеваться.

Только за Петром закрылась дверь, Марина схватилась за

телефон:

– Валечка, он меня бросит! – плакала она в трубку.

– Не может мне мебель собрать? Вы из-за этого поругались? Так, может, тогда не надо? Я людей найму.

– Валя, да причем тут твоя мебель? Соберет ее тебе Петя.

Завтра с утра приедет и соберет!

– А в чем дело-то? – не понимала Валя.

– Ему стала безразлична наша семья! И я, и дети! – Марина захлебывалась рыданиями. – Раньше он как-то участвовал, спорил, мнение свое высказывал. А сейчас просто кивает и со всем соглашается. А если про детей, так мне кажется, что он меня даже не слышит!

– А признаки измены есть? – спросила Валя заинтересованно.

– Чужие бабы в постели не валяются! – съязвила Марина.

– Не, ну это понятно, – хихикнула Валя. – Может, телефон прячет, на работе задерживается, пахнет духами, следы помады? Трусы может новые купил или там галстук?

– Трусы он и так всегда сам покупал, а галстуки не носит, – растерялась Марина.

– Ты за мужем-то понаблюдай! – посоветовала Валя. – То, что он отстранился – это первый звоночек. Но – не доказательство! Если что, тебе надо успеть прикрыть тылы! У вас дети! Если его кто-то крутит, может и квартиру отжать!

– Что ты такое говоришь? Квартира у нас общая! – возмутилась Марина.

– Квартира общая, а зарплата у Петьки в два раза больше твоей! Значит, кто за нее ипотеку платил?

– Ты думаешь, он посмеет? – слезы высохали, сменившись удивлением.

– А кто знает, что хочет та баба, что за ним стоит?

– Валечка! – воскликнула Марина, собираясь разрыдаться снова.

– Не реви, – сказала Валя, – он мне завтра мебель собирать будет, а я за ним понаблюдаю! У меня глаз наметанный, я трех мужей на измене ловила!

Пока Петр возвращался домой, Валя звонила с отчетом:

– Маринка, дело плохо!

– Я так и чувствовала, – Марина закусила губу.

– Я за ним весь день наблюдала, – говорила Валя, – так вот не в бабе, или не в одной бабе дело! Слишком он в себя погружен! Слишком! Так о семье думают. Только семья эта не с тобой.

– Боже мой, – хорошо, что Марина села, когда позвонила Валя, – он о второй семье постоянно думает. Поэтому он нашей не интересуется. Ему безразлично, чем и как мы живем.

– Маринка, но тут не все так просто. Я нюхом чую, когда мужик влюблен. От него пахнет иначе. Там вряд ли есть интерес к маме. Скорее всего, только к ребенку. А вот мама того ребенка, очень может быть, ему условия выставляет, что он из себя не выныривает.

– А может она с него требует, чтобы он к ней ушел?

– Не исключено, только он может не хотеть этого сам. Ты его испытай, как трактор «Беларусь»! Проси – дела по дому делать. Если без крика и отказа, значит, уходить не захочет.

– Я попробую, – проговорила Марина, – спасибо.

Петр вернулся, умылся, поел и, сославшись на дела в гараже, да и инструмент отнести, ушел до вечера. Марина даже сказать толком ничего не успела. Заметила только, что Петя какой-то не такой и все!

Объективности ради, пригласила она свою маму пожить у них пару дней.

– Мама, у тебя глаз незамыленный, – объясняла Марина, надо мнение другого человека.

И вот пришло время маминого отчета:

– Приворожили его, как пить дать! – заявила Вера Андреевна.

– Как это? – удивилась Марина.

– А вот так, – веско произнесла Вера Андреевна, – на то работа сделана, чтобы ты его сама выставила, а его потом и подберут.

– А разве так можно?

– Еще и не так можно. Ты сама подумай, если он сам уйдет, ты его можешь начать возвращать. А если сама выставишь, так ему обратной дороги не будет! Вот тебе крест!

– А с чего ты это поняла? Ну, что приворожили?

– Так сразу видно! – хмыкнула Вера Андреевна. – Ходит, как кукла восковая. Ни слова поперек. И ни капельки чувств не показывает. Я ему час голову дурила, а он, как и не слышал. А потом говорю, воды принеси, так поднялся и принес. Другой бы меня послал подальше кухни, а этот, как заведенный.

– Мамочка, а что же делать? – Марина всхлипнула.

– А если тебе мужик нужен, ты к гадалке сходи, – Вера Андреевна открыла свою сумочку, – надо приворот снять и защиту поставить!

Она рылась в сумке минуты три, а потом положила перед Мариной визитку:

– Вот. Варвара! Сильная ведьма! И жуть, какая толковая! Ты сходи. Фотографию сразу возьми. И денег не жалея. Сколько скажет, столько и дай! Если что, я тебе потом подкину. Тут лучше не баловаться!

– Мертвый он, – сказала Варвара, – дальше что?

– Как мертвый? – Марина чуть на пол не свалилась.

– Ну, так, – ответила Варвара, – как все. В смысле, как все будем. Душа его уже свободна от брэнного тела.

– Подождите, так он живой, – проговорила Марина, – на работу ходит, ест, спит. Храпит, кстати.

– Ты меня что, проверять пришла?! – Варвара вскочила. – Да я тебя так прокляну, что света белого чураться будешь!

– Простите, это никакая не проверка, – залепетала Мари-

на, – на фотографии это мой муж. Петя. Он какой-то не такой стал в последнее время. Мне мама сказала, что его приворожили. Я вот и пришла. Надо чтобы он снова нормальным стал!

Варвара опустилась на стул, придвинула фотографию. Всмотрелась, скривилась. Руками поводила над изображением.

– Рассказывай, – сказала Варвара, отодвигая фотографию. Марина, как понимала, так и рассказала. Что муж ее стал чужим.

– Все ему безразлично. Ничто не трогает. В гараж только ходит. Я проследила, а он там просто сидит и ключом по тискам стучает. Час-два-три. Потом домой приходит.

– А по всем ощущениям, – сказала Варвара в итоге, – не живой он. Хоть ты меня святой водой отпайвай! Не чую в нем жизни!

– И что же делать? – растерянно спросила Марина.

– У высших сил спрашивать надо, я тут не помощница. Попробуй начать медитировать, ну и запрос во вселенную отправляй. Глядишь, кто и ответит.

– А как медитировать?

– Я тебе сейчас брошюрку дам, – Варвара положила на стол книжицу в десяток страниц, – пять тысяч. Все, иди!

– Нет, вы посмотрите на эту кучку умиротворения! Навозная яма спокойствия! Прямо, любо-дорого посмотреть, как

она вся из себя просветляется! А чего же не просветляться, когда мужика загубила? Самое время!

Марина услышала голос, понимала смысл, но не думала, что это относится к ней.

Когда она изучала книжицу, что дала Варвара, там было написано, что можно подключиться к чужим информационным потокам. Вот и подумала Марина, что это ее не качается.

– А ей по барабану! – продолжал голос. – Конечно-конечно, мы же тут к свету шуруем ровным строем! Сейчас как все тайны вселенной постигнем!

– Можно потише? – не выдержала Марина.

– Мать моя Кассиопея, она еще и разговаривает! – воскликнул голос. – Астралом меня против шерсти, на нас внимание обратили!

– Вы мне мешаете! – зло бросила Марина.

– Мужика ты своего так же загнобила?

– Ап, – вырвалось из Марины.

– Шо? Мову отняло? – перед Марининым взором нарисовалась маленькая беленькая собачка. – Меня твои запросы во вселенную, уже достали! Я пришла просто ради интереса. Это какой надо быть ... этой, чтобы мужика до столь плачевного состояния довести? А потом еще и спрашивает, а что случилось? А кто это у нас виноват? А как теперь быть? А что же делать?

Марина в полном шоке смотрела на разбушевавшуюся

собачку. Слава Богу, смысл до Марины доходил, правда, с некоторым опозданием.

– А ты кто? – спросила Марина.

– Мда, приз за оригинальный вопрос ты явно не получишь, – проговорила собачка, – Нелли я. А для тебя эмиссар вселенной, к которой ты тут взываешь.

– Вы мне поможете? – спросила Марина с мольбой в голосе.

– Если честно, не хотелось бы, но работа такая.

– Спасибо! – Марина улыбнулась.

– Мы за спасибо не работаем, – Нелли фыркнула, – и вот так, чтобы за тебя все сделать, а ты дальше будешь глупости воротить, это вам в индейское национальное жилище!

Марина смотрела на Нелли в полном непонимании.

– Ой, и тугая ты! – простонала Нелли. – Кто таких в астрал пускает? Хоть бы тест на интеллект проводили...

Марина и это пропустила мимо ушей, а свой вопрос зада-
ла:

– Мне сказали, что муж мой не живой, а он ходит, говорит. Как это?

– Деловые все пошли, – протянула Нелли, – я тут словесные кружева придумываю, а ей сразу к делу. Скучная ты! Ладно. Надеюсь, ты в курсе, что человек – это объединение двух материй, физической и духовной?

– Да, – ответила Марина.

– Тогда для информации, без любой из составляющих это

объединение продолжает худо-бедно существовать дальше.

– Это как?

– Без тела – это привидение, а без души – это, как твой Петя.

– А у Пети нет души? – удивилась и ужаснулась Марина.

– Теперь нет, раньше была. Но и не только твоими стараниями, его этой самой души лишили.

– Украли? Отняли? – предположила Марина.

– Зачем? Сама ушла.

– А так бывает?

– А как вы, человеки, с Петей поступали, так еще и не такое бывает! Устала душа, а ни поддержки, ни покоя, ни радости в жизни.

– Его никто не обижал, – проговорила Марина, кривя душой.

– Ой, ли? Когда с детьми уроки учить, ты сказала, что он умный. Когда ремонт делать, он у тебя умелый. Когда уборку – у тебя маникюр. А сколько раз ты его в аренду подружкам сдавала, на тот же ремонт?

– Он же мужчина! – возмутилась Марина.

– Кстати, да. И хороший муж и отец! Ни разу с тобой спорить не стал. Просто делал и все. А вот с тебя бы корона не упала, если бы в том же ремонте или с уроками ты ему помогала.

– Он не просил...

– А когда у него родители умерли, где ты была? Ты его

одного оставила и к маме с детьми уехала.

– Я мешать не хотела, – тихо проговорила Марина.

– Ты «не мешать» не хотела, ты просто на него все скинула. А ему самому пришлось все это лопать большой ложкой. Вот и не выдержала его душа. А вот тебе что, сложно было, поддержать мужа? Поучаствовать в его жизни? Поберечь его?

Марина молчала.

– А теперь у тебя прекрасный исполнитель. Он ничего не хочет, ничего не чувствует. Просто пустой человек. Оболочка! Ты его всегда таким хотела видеть. Нате, распишитесь!

– А нельзя ли его душу как-нибудь обратно в тело позвать? – робко спросила Марина.

– Кто знает, может и можно, – задумалась Нелли, – попробуй. Может у тебя и получится отнестись к нему по-человечески, а не как раньше.

– Я попробую, – проговорила Марина.

– Попробуй-попробуй, – растворяясь, ответила Нелли, – а то привыкли, как мужик, так только должен-должен-должен...

Судьба ведет свою игру

– Что ты мне рассказываешь про всякие ходовые, рулевые и коробки передач, – возмущалась Юля, – я ничего в этом не понимаю! А вот, что я понимаю, что машина не новая!

– И что? – не понял Антон. – Она в хорошем состоянии. Даже отличном!

– Но она не новая! Пользованная! – Юлю даже передернуло. – Это даже как-то противно, что ли. Кто на ней ездил? Кого возил? И еще вопрос, чем в ней занимались!

– Это же машина, а не предметы личной гигиены, – ответил Антон.

– Ну, Антон, это же гадко!

– Загоню на химчистку салона, – бросил Антон.

– В ней тогда порошком будет вонять! – ныла Юля.

– Проветрю! – чуть не крикнул, но еле сдержался мужчина, – а потом ароматизатор повешу!

– Вонючку? – Юля скривилась. – Лучше колбочку с духами!

– Сама поедешь, выберешь и повесишь!

– Антон, вот видишь, сколько сложностей из-за того, что ты покупаешь Б.У.? Надо было сразу купить новую! А то подумают, что ты нищоброд! Может, ты и в секунде одеваться станешь? Или просрочку в магазинах по акции покупать?

– Юля, вот не надо тут накручивать ужа на обстоятельства! Машина нам откровенно нужна, а брать новую в салоне – несколько дороговато! А это хороший вариант!

– Она польвованная, – Юля пустила слезу.

– У нее был один хозяин. Семьянин. Сказал, что с семьей перебирается в деревню. А там, на седане не погоняешь. Джип хочет. Потому и машину продает. Нормальная это машина!

– Бли-ин! А новую точно никак? – слезно спрашивала Юля.

– Нет, ну если ты добавишь, – это был последний аргумент.

Юля не работала и жила на полном обеспечении супруга. Мало того, что она не работала, так и не считала нужным это делать. Она была красивая и только за это ею должны восхищаться и давать все, что она попросит.

– Щаз! – выпалила Юля и выставила живот.

И да, она была беременна. И это был ее последний довод. Козырной! Она им била все доводы супруга с легкостью. Именно он уговаривал ее завести ребенка. Юле ее фигура была важнее, но Антон, поползав за ней на коленях, все-таки, уговорил.

Ну, или Юля сдалась.

А если откровенно, то она просто выбрала путь лучшей манипуляции супругом.

– Юля, – настала очередь оправдываться Антона, – сама

же понимаешь, что на малыша понадобится много денег. И машина нужна. Я тебе клянусь, и химчистку закажу, и санитарную обработку, и сам еще в ней порядок наведу и все отмою, отчищу! Вылижу собственным языком!

– Вот не надо тут преувеличивать! – Юлия чуть улыбнулась. – Но она должна быть СТЕРИЛЬНОЙ!

Насколько не было велико желание и назойливо напутствие, до мойки машин Антон не доехал. В пробке полез в бардачок...

– Послушайте, Егор, я тут в бардачке нашел фотографию, – Антон позвонил продавцу машины, как только смог прижаться к бровке.

– Это не мое! – сразу ответил он.

– Тут это...

– Слушай, мужик, машина нормальная, а то, что там, в бардачке – это вопросы не ко мне. Я перекуп.

– Вы же говорили...

– Мне надо было ее продать. А эта легенда не хуже любой другой. Мне что, надо было о больной маме рассказать? А?

– Но фото...

– Вот ты достача! Я тебе сейчас номер скину, у кого я машину купил, разбирайся с ним! А если твоя жена там еще что-то найдет – это тоже не ко мне. Все туда! Бывай!

Больше двух часов понадобилось Антону, чтобы установить реального бывшего владельца. Посредников, на удивле-

ние, оказалось очень много.

И это из-за фотографии? Да!

Потому что на него с картонного прямоугольника смотрела с любовью, нежностью и лаской его бывшая жена. Не совсем на него, а на того, кто это фото делал.

«Так же прекрасна, молода и желанна!» – подумал он.

– Я знала, что рано или поздно ты меня найдешь, – сказала Марина, выйдя в калитку, за которой прятался немаленький участок с богатым коттеджем.

– Я машину купил, а там фотография... – промямлил он.

– И что? Сразу меня найти решил? Мы с тобой все выяснили еще тогда. А если ты сына решил увидеть, так ты был лишен родительских прав.

– Да, я, собственно...

– Я тебя не боюсь! – Марина сказала с вызовом. – Тут охрана и камеры! Только попробуй руку кинуть, тебе ее в такое место засунут, что тебе точно не понравится.

Ехал Антон домой не просто в расстроенных чувствах, а в полном опустошении.

Жизнь с Мариной и сыном, и жизнь с Юлей и их будущим ребенком – это как события из разных вселенных. А в центре он, которого разрывало от невозможности их совместить.

– На ТО съездил, – отчитывался Антон перед Юлей, – завтра на чистку. Устал страшно.

– Он устал! Вы на него только посмотрите! Я тут новую

жизнь вынашиваю! Думаешь, мне легко? Мне нельзя все, чего хочется! А то, что нужно – мне противно! А он, видите ли, устал!

– Тебе прямо сейчас что-то нужно? – спросил Антон, устало глядя на жену.

– Прямо сейчас – нет, – сказала она деловито. – Завтра у нас собрание будущих мамочек. Такси мне вызовешь!

– Дима, представляешь, я Маринку нашел! – воскликнул Антон вместо приветствия, когда встретился с приятелем в баре.

– А чего ее искать? – удивился Дима. – Я на нее в соцсетях подписан, хорошо у нее все.

– Она же почти не изменилась, – выговорил заготовку Антон.

– Счастливее только стала, – заметил Дима.

– Да, Димка, сейчас я готов признать, что наш с ней брак был для нее кошмаром. Я же не просто над ней издевался, я ее просто уничтожал. А она, – Антон прослезился, – святая женщина! Она же не только терпела все мои пьянки-гулянки, так еще и меня поддерживала! Это когда я на нее с ребенком на руках кинулся, она сбежала...

– Поздно, – проговорил Дима в бокал.

– Да, поздно, – кивнул Антон, – ничего уже не вернуть.

– Не, я не об этом, – Дима отодвинул бокал, – поздно я узнал, как ты себя с ней вел. Узнал бы тогда, вбил бы тебе

нос в голову. Она же тогда ко мне прибежала. Ночью! С ребенком!

– Правда? Я и этого не знал, – проговорил Антон растерянно.

– Я смотрю, мозги – это не твоя сильная сторона, – Дима отпил пару глотков и закинул в рот орешек. – Сейчас-то ты чего разоряешься? Восемь лет прошло. У тебя, вроде, новая жизнь, жена, ребенок на подходе.

– Да, понимаешь, Юля и Марина – это совсем разные люди. Вот Марина меня любила! Искренне. Сильно. Всю себя мне отдавала! А Юля, она не такая. Она как-то больше на себе зациклена.

– Ну, поговорка такая есть: «Видели глазки, что покупали, теперь ешьте, хоть повылазьте!» – Дима хохотнул. – Юлю, ты так, как Марину, не построишь. Скорее она тебя под каблук засунет!

– Не знаю, Дим. Просто в душе осадок какой-то. Ну, вина проснулась, что ли. А прощения просить... Марине оно не нужно. Мне самому легче тоже не станет.

– А ты не будь Антоном штопаным, живи по правде! – сказал серьезно Дима. – Понял, что в жизни твоей было плохо. Та жизнь позади. Не наделай таких ошибок в будущем.

– Наделаешь тут ошибок, когда жизнь наизнанку вывернуло, – проворчал Антон.

– Хороший муж и хороший отец – эти звания при любом строе ценятся. А если ты не будешь знаком зодиака «Ов-

ном», так все у тебя нормально будет!

Не успокоился Антон после разговора с другом. А Дима и не собирался Антона успокаивать. Только кто, кроме друга настоящего, мордой в правду ткнет?

– Видела я твою машину, – поморщившись, сказала Юля, – это какое-то облезлое недоразумение! И вот ты на это убожество угрохал такие деньжищи? Ты вообще, о чем думал? Ее красить – не перекрасить! Как на меня подружки будут смотреть, когда ты меня на ней возить будешь? Точно скажут, что я бомжиха за нищebroда замуж вышла!

– Да ты достала уже со своими придирками! – вскричал Антон. – Только и знаешь, что деньги-деньги-деньги! Только и занимаешься что очковтирательством! Шмотки нужны брендовые, машины люксовые, еда деликатесная. И это твое вечное: «Что скажут подружки? Что они подумают?» Такие же, как и ты, меркантильные пустышки! Любовь у тебя по предоплате! Услуги за наличный расчет! Уважение только к олигархам! И не потому что сами заработали, а потому что просто имеют! Тебе не муж нужен, а банкомат, чтобы все твои «хочу» оплачивал! А сама ты – дырка от бублика!

Юля смотрела на Антона и не могла поверить, что он в принципе способен на такую неприкрытую агрессию. А тот продолжал:

– Жена у меня была. Любила меня просто за то, что я был. И она не просила ничего и никогда! И любить продолжала,

когда меня с работы турнули, и когда я бухать начал. И прощала мне все мои залеты. Даже побои прощала! Потому что человеком была с душой! А у тебя только калькулятор в голове, а в сердце сквозняки!

– Антон, как ты смеешь мне такое говорить? – Юлю накрыла истерика. – Я ношу твоего ребенка!

– Да я от ребенка не отказываюсь! Я уже понял, что важно, а что мусор. Родишь, буду содержать и воспитывать. А вот ты! – он указал на нее пальцем. – Очень не факт, что мне нужна!

Через минуту он остался в квартире один. Юля схватила сумку и, крикнув:

– Подумай над своим поведением, козлина! Я пока у мамы поживу! – скрылась за дверью.

– Юленька, – говорила Валерия Вадимовна, – Антон, конечно, еще тот Антон. Так и тебе надо немного головой думать.

– Мне? – возмутилась Юля. – Я его жена! Он мой муж! Он обязан меня содержать! Тем более, у нас будет ребенок!

– Обязан-то он обязан, – сказала Валерия Вадимовна, – а если не захочет, так никто его не заставит! Алименты ребенку – это, пожалуйста, а тебя кормить он не будет! Живи, как хочешь! А продолжишь в том же духе, тусовки, клубы, бары, рестораны, он ребенка отберет и прав будет.

– Он не посмеет! Я мать!

– Мать! – усмехнулась Валерия Вадимовна. – Ты ни дня, доченька моя, не работала. Как ты ребенка содержать будешь? Алименты, их только по закону достаточно, а на самом деле – сущие гроши!

– Мама, – уже совсем другим тоном проговорила Юля, – но он же не прав!

– А ты права? Чтобы что-то требовать, давать нужно! Что ты ему дала? Свою красоту? Так это товар такой, распространенный. А заботиться ты только о себе умеешь. Ты доченька, сама подумай, может вырасти пора?

– Я подумаю, – проговорила Юля и ушла в свою детскую комнату.

Впервые за долгие годы Антон запил. Два бестолковых дня между реальностью и забвением. А потом начал думать:

«На те же грабли, что и с Мариной. Сорвался на Юльку. Она, конечно, не ангел, но и такой отповеди не заслуживала. Марина бы стерпела. Та Марина. А Юлька с характером. Да и ребенок. Может, у меня тоже гормоны разыгрались?»

Привел себя в порядок и поехал за Юлей.

– Ты прости, – говорил он на пороге с букетом цветов, – я был резок. Признаю, что перегнул палку. Понятно, что надо было нормально все это сказать. Но я как-то не понимал...

– Антоша, и ты меня прости, – Юля слегка улыбалась, – я же мать будущая, а у меня в голове все детство играет. Плохо, конечно, что у нас все так получилось, но, может, попро-

бует как-то иначе?

Антон просиял.

– А ничего такая машина, – сказала Юля по дороге, – помыть только надо.

– А мы прямо сейчас на мойку и заедем! – Антон улыбнулся.

– Ой, халтура!

– Чего это сразу халтура? – возмутилась Нелли. – Отлично все получилось. Она не будет все на денюгу примерять, он ответственно к семье относиться будет. Ошибки прошлые признал, к сведению принял. Где халтура-то?

– Да везде! – воскликнуло Страшное начальство. – Фотография эта в бардачке. Ну, кто так топорно работает? Дух вы или зачем?

– Здравствуйте, навскидочку! А вы что хотите, чтобы я с каждым на контакт шла? Оно мне надо? У меня график! А еще план!

– А должностные инструкции? – Страшное начальство помахало у Нелли перед носом кипой листов. – Все прописано и вами, между прочим, подписано!

– Чем подписано? – Нелли показала собачьи лапки. – Думать надо, когда глупости говоришь!

– Опять нарушение субординации?

– Хватит обвинять бедную меня в том, что я опять все хорошо седлала! Задача была какая? Выправить отношения.

Задача решена? Решена, – Нелли не требовались ответы. – А как я добилась успеха и с какими физическими затратами, касаться никого не должно!

– Ваши поступки, Нелли, не выдерживают никакой логики!

– Результат есть! Получите, распишитесь! А логика? Судьба ведет свою собственную игру. И логика у нее своя! Вам не понять!

– Вот только обижаться не надо! – прикрикнуло Высокое Страшное начальство.

– Пф! – фыркнула Нелли. – Было бы на кого тут обижаться! Я дух, а вы всего лишь начальство! И не такое уж и страшное! – она показала язык и растворилась в астрале.